

75
лет
ПОБЕДЫ
ПРОЗА ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Борис Васильев

АТЫ-БАТЫ,
ШЛИ СОЛДАТЫ

Борис Львович Васильев
АТЫ-БАТЫ, ШЛИ СОЛДАТЫ
Серия «Проза Великой Победы»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63614826

Борис Васильев. Аты-баты, или солдаты (киноповести, повесть):

Вече; Москва; 2018

ISBN 978-5-4484-8510-7

Аннотация

Борис Васильев – в семнадцать лет, сразу после окончания девятого класса, добровольцем ушедший на фронт – знаменитый российский писатель и драматург. В этот сборник его военной прозы вошли повесть «Завтра была война», киноповести «Аты-баты, шли солдаты» и «Офицеры».

Содержание

Аты-баты, шли солдаты	5
Офицеры	119
1917 год	119
Спустя четыре года	127
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Борис Васильев
АТЫ-БАТЫ, ШЛИ СОЛДАТЫ
(КИНОПОВЕСТИ, ПОВЕСТЬ)

Знак информационной продукции **12+**

© Васильев Б.Л., наследники, 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

АТЫ-БАТЫ, ШЛИ СОЛДАТЫ

В написании киноповести непосредственное участие принимал К.И. Рапопорт

По залитому асфальтом полковому плацу, расчерченному белыми линиями для строевой подготовки, шла рота. Солдаты, в выходных тужурках и парадных фуражках, гулко топали надраенными до блеска ботинками и, старательно держа равнение, косили глазами на двух старших офицеров, которые стояли посередине плаца: могучего полковника и майора, казавшегося щуплым рядом с рослой фигурой командира полка.

– Рота, смирн-но!.. – пропел усатый прапорщик, шагавший впереди. – Равнение напра-во!

Полковник и майор подняли руки к козырькам. Пропуская роту, полковник, чья тужурка была украшена несколькими рядами муаровых планок, спросил:

– Что, комбат, жалко лучшего ротного отпускать?

– Ничего не поделаешь, товарищ гвардии полковник, – слегка вздохнул майор. – Как говорят французы, такова селяви.

Полковник хохотнул:

– По-французски ты лихо наострился, майор, но смотри и соображай по-русски. Если при новом командире первая

рота снизит показатели хоть по одному виду, я тебе такую «селяви» устрою, сразу про все свои рыбалки забудешь.

– Понятно, товарищ гвардии полковник, – уже совсем невесело вздохнул майор и посмотрел в сторону казармы.

От казармы к старшим офицерам бежали два молодых командира среднего звена: худощавый смуглый капитан с белесыми, выгоревшими на солнце ресницами и коренастый старший лейтенант с обветренным лицом.

Подбежав, офицеры перешли на строевой шаг и, остановившись на уставном расстоянии, замерли, дружно вскинув ладони к головным уборам.

– Товарищ гвардии полковник, – с привычной четкостью докладывал капитан, – представляюсь по случаю сдачи первой роты второго батальона вверенного вам полка.

– Товарищ гвардии полковник, – подхватил рапорт другой офицер, – старший лейтенант Алексеев роту принял. Все в порядке.

– А я и не сомневался, что все будет в порядке, – полковник пожал руки офицерам, для чего ему пришлось слегка наклониться. – Ничего иного от первой роты и не ждал. Иди, майор, представляй нового командира.

Майор и старший лейтенант побежали к роте, а полковник, дружески взяв под руку капитана, пошел вместе с ним к штабу полка.

– Завидую я тебе, капитан, – говорил он на ходу. – Вот говорят, отрицательные эмоции вредны, а все равно зави-

дую. Молодости твоей завидую. Что в Москву едешь. В академию. И что все у тебя впереди, а у меня, увы, все – в прошлом. – Он усмехнулся. – Помню, когда в академии учился, так начальник курса казался нам старым, а было-то ему ровно столько, сколько мне сейчас: сорок шесть лет, понятно – нет?

– Все относительно, товарищ полковник, – рассудительно заметил капитан. – В прошлом веке и в тридцать стариками числили. Полковнику Болконскому тридцать было.

– Так точно, – согласился полковник. – Только вот беда, капитан: для человека важно не сколько ему лет, а на сколько он чувствует себя, но для управления кадров – все как раз наоборот.

Они подошли к штабу.

– Мы ждем вас вечером, товарищ полковник, – прощаясь, сказал капитан. – Пожалуйста. Проводы – святое дело. И Веру Семеновну, естественно, тоже. Очень прошу, товарищ полковник.

– Благодарю, капитан, – сказал командир полка. – Я загляну непременно, а Вера Семеновна, к сожалению, не сможет. Внука нам подсунули. Такой архаровец, на минуту оставить нельзя. Понятно – нет?..

Худой и весьма пожилой человек стоял возле кассы продовольственного магазина военного городка. Старомодные очки его запотели, и, поскольку в одной руке была авоська

с покупками, он никак не мог протереть стекла и беспомощно топтался у кассы, пытаясь на ощупь выбрать мелочь из кошелька.

Магазин в этот час был пуст, поэтому для молоденькой продавщицы и солидной кассирши происшествие с беспомощным покупателем было маленьким развлечением. Некоторое время они переглядывались, улыбаясь друг другу, пока наконец кассирша, сжалившись над стариком, не сказала со вздохом:

– Давайте ваш кошелек, папаша. Не бойтесь, не обсчитаю.

Старик охотно отдал кошелек. Кассирша, пощелкав клавишами аппарата, выбросила полоску чеков.

– Спасибо, доченька, – улыбаясь, покивал старик. – Дай Бог тебе здоровья.

Заметно трясущимися руками он запихал покупки в авоську и, запахнув куртку, перешитую из старой офицерской шинели, вышел из магазина.

– И чего ходит? – проворчала ему вслед кассирша. – В таком возрасте на печи надо сидеть, а не по магазинам бегать. И трясется весь, как с перепоею.

– Да он не старый, – зевнув, отозвалась из-за прилавка молодая продавщица. – Это Любкин отец. Он не старый и не пьет ни капельки. Контуженный он на фронте. Вот и трясется с той поры.

Капитан и старший лейтенант Алексеев шли по аллее,

которая вела от расположения полка к военному городку. Вдоль аллеи стояли аляповатые щиты с цитатами из уставов и наставлений.

– Ну, вроде все ты мне доложил, – почему-то вздохнул старший лейтенант. – Лучшая рота – это не подарок. Это крест.

– Да, чуть не забыл, – сказал капитан. – Насчет Манукяна. Механик-водитель он экстра-класса, но запомни: перед каждым серьезным делом его надо непременно ругнуть. Не слишком, но ругнуть. Без обиды. Ясно?

Алексеев кивнул.

– А Рыжов – напротив. С ним поделикатнее, старшой. Жутко обижается, когда его ругают.

Они шли мимо Дома офицеров. В сквере перед ним на высоком постаменте стоял танк Т-34 – стандартный памятник, какие встречаются почти в каждом гарнизоне, особенно танковом. На фронтальной плоскости постамента золотыми буквами были написаны фамилии офицеров, сержантов и солдат дивизии, погибших в боях Великой Отечественной войны.

– Вот еще что, – сказал капитан, поравнявшись с памятником. – Перед принятием присяги молодых солдат непременно приводи сюда, к памятнику. Форма одежды – парадная, цветы, ну и так далее. И прикажи, чтобы комсорг речь толкнул, но только не длинную... Длинная рассеивает внимание, отвлекает. Ясно?

– Понятно, – сказал Алексеев. – Традиция?

– Традиция. Формальность, конечно, но армейские ритуалы вообще мобилизуют. А раз так, значит, надо.

Старик с авоськой сидел на скамье во дворе, со всех сторон замкнута жилыми домами. Посередине двора был залит каток, уже, правда, подтаявший. Однако это не мешало выписывать круги по мокрому льду девочке лет семи, одетой в юбочку с меховой оторочкой.

Подкатив к скамейке, на которой сидел старик, девочка поставила на нее ногу и принялась завязывать шнурок, но у нее это никак не получалось.

– Давай помогу, – улыбнулся старик и стал неумело завязывать шнурок дрожащими пальцами.

– А у вас пальцы дрожат, – сказала она.

– Дрожат, – согласился старик. – Но я справлюсь. Ты кем хочешь стать – Пахомовой или Родниной?

– Я – в одиночном, – девочка очень серьезно вздохнула. – У нас в этом виде с медалями плохо. Спасибо, дедушка. – И, деловито кивнув на прощание, укатила прочь.

Старик засмеялся, покрутил головой и, немного понаблюдав за девочкой, поднялся. Взял авоську и пошел к дому, осторожно ступая чинеными яловыми сапогами.

Капитан и старший лейтенант Алексеев шли по улице военного городка. Здесь все знали друг друга, и капитану при-

ходилось то и дело отвечать на приветствия встречающих и обгоняющих.

– Ты извини, специально не знакомлю, – сказал он Алексею.

– Понятное дело. Шапочное знакомство не для нашей службы. Тут либо все надо знать, либо – ничего.

– Тут и так все всё знают, – капитан невесело усмехнулся. – Вот, к примеру, есть у меня старик. Отец моей жены, а мне, стало быть, тесть, да? Как пришел приказ об академии, все время о нем думаю, но с Любой, с женой своей, еще не говорил. По правде сказать, тяну. Не решаюсь. Понимаешь, тащить его с собой в Москву совершенно невозможно. Там первое время наверняка в общежитии мыкаться, а его туда вообще могут и не пустить. Но даже если удастся снять квартиру...

– А здесь его разве нельзя оставить? – удивился старший лейтенант. – Ты тут – по первому номеру, в академию от части едешь. Пенсию твой тесть получает?

– Получает, дело не в деньгах. Беспомощный он какой-то, неприспособленный. Вечно всем помогать норовит, а ничего не выходит. И руки дрожат, и видит плохо. И потом, пить ему совершенно нельзя. Категорически.

– А он что, закладывает?

– Нет, что ты. Но сейчас за ним Люба присматривает, а если один останется, все может быть. Уговорят, разжалобят, затянут. А для старика две-три рюмки – это конец.

– А кроме вас у него никого нет?

– У меня – никого, а у Любы – брат. В Сызрани. Жена у него – стерва. Боюсь, обижать старика начнет. Но я принял решение все-таки отправить его в Сызрань. Нет у меня иного выхода. Так что ты, старшой, не удивляйся, когда о нас тут услышишь. Для того все и рассказал.

– Догадываюсь.

– Может, зайдешь к нам? – спросил капитан. – Отвальный вечер, с офицерами познакомлю. Да и старика сам увидишь.

– Извини, нет, – твердо сказал старший лейтенант. – Не люблю в чужом пиру похмелья, капитан.

Старик стоял в подъезде и, перехватывая авоську из руки в руку, пытался открыть почтовый ящик. Давалось это ему нелегко, но он наконец-таки попал ключом в замок, откинул крышку и вытащил из ящика газеты. При этом на ступеньку лестницы упала открытка. Покряхтев, старик поднял ее и, вскинув на лоб очки, принялся читать, медленно шевеля губами:

– Дорогой друг! Наши отцы погибли в одном бою. Если хочешь почтить их память, приезжай шестого марта, в годовщину боя, на станцию Подбедня...

И пока старик читал открытку, возник стук доброй сотни пар сапог об утоптанную землю казарменного плаца и слышался рыкающий голос старшины:

– Рраз-два-трри! Рраз-два-трри! Рраз!.. Левое плечо вперед... маррш! Ррота, ножку!..

Рота курсантов военного училища военного времени вытягивалась на плац. Восемьдесят шесть пар новеньких кирзачей старательно выколачивали пыль из притоптанной земли. Роту вел кряжистый старшина-сверхсрочник, подавая команды с обычным для училищных старшин удваиванием рычащих звуков:

– Ррота... стой! Напрра-во! Подрравняйсь! Смиррна! Стоять вольно!

Рота стояла посреди пыльного плаца, повернувшись фронтом к накрытому красной скатертью столу, на котором стопками были сложены офицерские погоны зеленого фронтowego цвета.

Кабинет начальника училища выходил окнами на плац. Возле открытого окна стоял сам начальник, старый полковник с седыми игольчатыми бровями, и рядом с ним – крутощекий улыбающийся майор, в рюмочку перетянутый портупеей, с медалями на щегольски отутюженной гимнастерке.

– Орлы, товарищ полковник! – Майора прямо-таки распирало от радости. – Орелики! До чего же мне, товарищ полковник, повезло: без волокиты, без ожиданий получаю у вас целый курс лейтенантов. Восемьдесят шесть душ. Аж на три души больше, чем фронт заказывал!

Начальник училища подвигал бровями и хмуро покосил-

ся на развеселившегося майора.

– Ваши ребята в младших лейтенантах не засидятся, – распинался тот. – Кроме того, через месяц каждому гарантирую орден.

– А жизнь? – скучно спросил полковник.

– Война, товарищ полковник, – развел руками майор. – Либо грудь в крестах, либо голова в кустах.

Полковник вздохнул:

– Относительно голов вы правильно высказались, майор. Исключительно правильно.

Майор хотел было обидеться, но передумал и снова несокрушимо заулыбался:

– Эх, жаль, оркестра у вас нет, товарищ полковник. Такой день! Ведь вот зачитаете вы сейчас приказ, и весь этот строй из курсантского превратится в офицерский. Какое мгновение! Надо бы оркестр. Личные поздравления каждому. Персональные рукопожатия. Чтобы запомнилось на всю жизнь.

– Жизнь, – повторил полковник и снова вздохнул: – Вы, майор, под словом «жизнь» понимаете завтрашний день плюс что-то бесконечно длинное. Не так ли?

– Так точно, – улыбнулся майор. – А вы, товарищ полковник?

– Гм, гм... – хмуро прокашлялся начальник училища. – Я этих мальчишек, майор, каждые четыре месяца выпускаю. Каждые четыре, трижды в год. Посему за словом «жизнь» вижу только их путь до фронта плюс еще несколько дней до

первого боя. А там – как повезет. – Он одернул китель и двинулся к дверям. – Идемте на плац, майор. Пора.

– Товарищ полковник, – вдруг невероятно проникновенно сказал майор. – Уважьте личную блажь!

Полковник остановился, чуть поднял брови:

– Блажь?

– Так точно. Разрешите зачитать поименный список личного состава, – попросил майор. – Ведь моими хлопцы станут. Хочу к фамилиям привыкнуть.

– Сделайте милость, – пожал плечами полковник. – Можете заодно и приказ зачитать.

– Нет, приказ лучше вы. Чтобы звучнее. А я – только фамилии.

– Сделайте милость, – еще раз сказал полковник и вышел из кабинета.

Выпускная рота – восемьдесят шесть курсантских душ – замерла в строю, держа равнение на середину, где среди офицеров стоял начальник училища и будничным голосом заканчивал чтение приказа:

– ...Всех поименованных ниже курсантов считать закончившими ускоренный курс пехотного училища с присвоением каждому поименованному воинского звания «младший лейтенант». Приказ подписал начальник Главного управления кадров Советской армии.

Полковник опустил руку с приказом и обвел глазами строй, вглядываясь в каждое лицо. А лица в подавляющем

большинстве были мальчишескими и сейчас сияли от счастья.

Полковник пожевал губами, точно готовясь сказать нечто очень важное, но сказал скучно:

– Фамилии получивших офицерские звания сейчас будут зачитаны.

Начальник училища передал приказ розовощекому майору, и тот, встрепенувшись, бросил на роту почти восторгом сияющий взгляд.

– Прошу названных мною офицеров делать шаг вперед, – воодушевленно сказал он и, взглянув в список, вдруг заорал неестественным голосом:

– Младший лейтенант Анджапаридзе!

Мирно дремавшие в пыли воробы, подняв невероятный галдеж, сорвались с плаца и закружились над строем.

– Младший лейтенант Бабаев! – продолжал орать майор. – Младший лейтенант Дулин!

Строй с трудом сдерживал смех.

– Чего он разорался? – негромко спросил рослый курсант, стоявший правофланговым.

– Отставить рразговоррчики, Прригуда! – не разжимая губ, грозно прорычал старшина.

– Младший лейтенант Зайченко! – с радостным восторгом продолжал тем временем кричать майор. – Младший лейтенант Иванов!

Пожилой подполковник, стоявший рядом с начальником

училища, негромко сказал:

– Напрасно доверили, товарищ полковник. Сейчас они заржут, как лошади.

– Смех службе не помеха, – отозвался полковник, но в глазах его уже появилось некое веселое ожидание.

Строй еще держался, хотя лица восьмидесяти шести курсантов налились краской. Многие покусывали губы, чтобы не расхохотаться.

– Младший лейтенант Суслик! – с особенным щегольством прокричал майор.

По рядам прокатился смешок, но никто не сдвинулся с места.

– Младший лейтенант Суслик! – с еще большим восторгом выкрикнул майор. – Где младший лейтенант Суслик?

Старшина свирепо оглядел строй и беззвучно выругался.

– Лейтенант Суслик! – в третий раз воззвал майор, повысив в звании невесть куда пропавшего вчерашнего курсанта.

Стоявший в первой шеренге новоявленный младший лейтенант Суслин покраснел, надулся и, шагнув из строя, мрачно уточнил:

– Я – Суслин. Суслин. А не суслик.

– А у меня написано: Суслик, – взглянув в список, не сдавался майор. – Суслик.

– А я – Суслин. Сус-лин!

– Значит, это не вы.

– Значит, это не я, – согласился Игорь Суслин и вернулся

в строй.

И тут всех словно прорвало. Строй разразился смехом. С молодым злорадным удовольствием хохотали уже объявленные и еще не объявленные младшие лейтенанты. Смеялись офицеры училища. Даже суровый полковник позволил себе усмехнуться.

– Отставить смех! – побагровев, кричал старшина, сам изнемогая от чудом сдерживаемого хохота. – Пррек-рра-тить!.. Смир-рно!

Но строй хохотал, не в силах совладать с приступом хохота. Хрюкали, всхлипывали, охали и ахали, заражаясь весельем друг от друга и рождая то, что принято называть хохотом гомерическим.

Не смеялись только двое. Растерянный, начинающий злиться краснощекий майор и Игорь Суслин. Обиженный и насупленный.

– Па... вагонам!.. – пропел розовощекий майор.

Толпа младших лейтенантов, скрипя новенькими портупелями, ремнями и кобурами, побежала садиться в теплушки воинского эшелона, поданного на первый путь. И только Игорь Суслин огорченно стоял в стороне.

Мимо обиженного Суслина пробежал рослый Пригуда: постоянный правофланговый их училищных построений. Весело хлопнув расстроенного товарища по плечу, сказал, не скрывая распиравшего его счастья:

– Прощай, Игорек. Служи и не тужи. Сейчас не попал на

фронт, в другой раз пофартит!

И побежал. Потом вдруг остановился, вернулся и протянул Игорю потрепанный командирский планшет:

– Держи на память. Мне на фронте другой дадут. Счастливо!

И убежал, радостно топая сапогами.

Улучив момент, Игорь подошел к румяному майору. Не так чтобы очень уж решительно, но упрямо:

– Разрешите, товарищ майор, обратиться с личной просьбой? – Он старался держаться уверенно. – Младший лейтенант Суслин. Начальник училища позволил обратиться непосредственно к вам.

– Ну, что еще у вас? – неприветливо буркнул майор, глядя мимо Игоря.

– Возьмите меня, товарищ майор, – умоляюще начал он. – Вы же всех взяли, а меня почему-то оставили. Одного.

– Сказал – не возьму, значит, не возьму, – отрезал майор. – Мне восьмидесяти пяти позарез хватит. Ясно?

– Почему же именно меня не взяли? – унылым голосом спросил Суслин.

– Потому что вы недисциплинированны, Суслин, – с категоричностью, не допускающей возражений, сказал майор. – На фронте с такими, как вы, одна маета. Скисаете сразу и обижаетесь, как маленькие дети.

– Вы же меня совсем не знаете...

– И знать не хочу! Вот помотаетесь по резервам, пока не

дозреете до фронтовой кондиции. На третьей норме тылового довольствия. Тогда, может, и выйдет из вас фронтовой офицер. Хотя лично я сильно сомневаюсь.

Приложив руку к козырьку полевой фуражки, майор зашагал к головному вагону. Раздался паровозный гудок, глухо лязгнули сцепления, состав дернулся и пошел.

Немногочисленные провожающие разошлись, и на пустом перроне остался лишь младший лейтенант Суслин. И долго стоял, с тоской глядя вслед ушедшему на фронт эшелону.

Вечером у капитана состоялись проводы. Небольшая комната была набита гостями. Молодые офицеры и их жены тесно сидели за столом, во главе которого громоздилась мощная фигура командира полка.

Первые тосты были уже провозглашены, за столом царил шумный и бестолковый общий разговор, слышались позвякивание ножей и вилок, шутки, отдельные реплики, смех. Рядом с капитаном сидела его жена Люба: разрумившаяся красивая женщина с вальжной осанкой и русой, кольцом уложенной косой.

– ...Зачем мне академия? Я своих двадцать пять отпашу, и – привет.

– ...Невкусный у Любы салат...

– ...Зато коса хороша...

– Ты на чужие косы не заглядывайся...

– ...А ты пас с левого края видел? Прямо на клюшку...

Полковник басовито прокашлялся, и сразу же, несмотря на неофициальность обстановки, все замолчали, повернув головы к командиру полка. Полковник поднялся и, сжав тяжелой ладонью хрупкую рюмку, сказал:

– Товарищи, разрешите от имени командования еще раз пожелать одному из лучших офицеров дивизии счастливому пути и, как говорится, успехов в учебе и личной жизни. Казалось бы, совсем недавно мы, командиры среднего поколения, которые были, по сути, подростками в военные годы, принимали части и соединения из рук тех, кто командовал ими в военные годы. Разумеется, мы благодарны им и не забываем. Вот, к примеру, бывший командир нашего полка гвардии полковник Чуркин...

– Иван Сергеевич, – подсказал кто-то из офицеров.

– Так точно, Иван Сергеевич, – согласился полковник. – Так вот, живет он у нас в городке, как говорится, на заслуженной пенсии. Но мы, сами знаете, на все торжественные вечера непременно приглашаем его в президиум, на почетное место, понятно – нет? Так что не забываем, не забываем... Да. Но вот что хочу сказать. Не за горами то время, когда и нам придется передавать командование в ваши руки, товарищи офицеры. – Командир повернулся к капитану. – И как знать, может быть, ты, Константин, закончив академию, вернешься в родную дивизию, в свой полк. И это очень хорошо, товарищи, хорошо и правильно! А посему я предлагаю тост за вечное движение жизни. За преемственность. За

дружбу офицеров разных поколений!

Гости чокнулись, выпили. Полковник под одобрительный говорок сел на место. Поднялся Константин. Дождавшись, когда стихнет шум за столом, заговорил с привычной легкостью, порою смахивающей на легкомыслие.

– Мне отлично известно, что я счастливчик, а потому я при всем желании не могу сочувствовать неудачникам. Моя собственная жизнь дает мне право на эти слова. Отец мой погиб на фронте, когда я только-только должен был родиться, мать умерла через три года. Я вырос в детдоме. Мне было труднее, чем многим другим, но я знал свою цель и шел к ней напролом. Прошу извинить, что слишком часто употребляю местоимение «я», но мы – офицеры, и наши боевые приказы не знают иной формы, кроме «я решил». Так за решения, которые мы принимаем!

Когда шум, вызванный тостом, улегся и гости вновь занялись закуской, кто-то спросил:

– А где контроль, Костя?

– Какой контроль?

– Контроль за решениями, которые мы принимаем?

– Жизнь, – решительно ответил Костя. – Жизнь – самый суровый поверяющий. Она сама отбрасывает негодные решения.

– Значит, контроль вне человека?

Константин не успел ответить, потому что полковник отвлек его вопросом:

– Твой отец в котором погиб, Костя?

– В сорок четвертом. Кстати, мне напомнили сегодня об этом. – Он повернулся к жене. – Люба, где открытка?

Люба поднялась, порылась на отодвинутом в совсем уж неподходящее место письменном столе, нашла открытку и протянула ее полковнику. Командир прочитал, пустил по рукам.

– Странное послание. И без подписи.

– Нет, закорючка стоит. Видишь?

– А почерк-то – женский. Учти, Люба.

– Где это – Подбедня?

– Может, розыгрыш?

– Нет, не розыгрыш, – сказал Константин, получив наконец-таки открытку и еще раз перечитав ее. – Когда мне в детстве отцовский орден вручали, помню, разговор был насчет станции Подбедня.

– Какой орден?

– Отечественной войны, – ответил капитан. – Люба, где орден?

– Может, в папиной коробке? – неуверенно сказала Люба. – Посмотри в кухне, на полке. Круглая такая коробка, из под конфет.

В маленькой кухне возле заставленного посудой стола сидел отец Любы и плакал. Сопел, всхлипывал, но не утирал слез, которые стекали по его худым, изрезанным морщина-

ми щекам.

– Что с вами, Илья Иванович? – с испугом спросил Константин, войдя в кухню. – Вам плохо?

– Лук режу, – улыбнулся сквозь слезы старик. – Люба велела луку нарезать, а он, понимаешь, больно вредный оказался.

– А почему к столу не идете? – спросил Константин, открывая дверцы настенного шкафчика. – Неудобно получается, Илья Иванович.

– Ты уж прости, Костя. Не к лицу я молодой компании. Перво-наперво – не пью. Второ-навторо – острого не ем. Только испорчу вам весь праздник. К тому же – полковник там.

– Ну и что? – Константин выставлял на стол различные кухонные предметы и разговаривал через плечо. – Съест он вас, что ли, полковник?

– Да что ты, Костя, – махнул рукой старик. – Я их смолоду пугаюсь. И полковников, и генералов. Я и лейтенантов-то робел всю дорогу. А с живым полковником, может, всего раз в жизни и разговаривал. Когда орден получал. Ты чего ищешь-то?

– Орден отцовский, – ответил Константин. – Люба сказала, что в коробке из-под конфет, а где эта чертова коробка?.. Ага, вот она.

Константин вытащил круглую жестяную коробку из-под леденцов и, сдвинув посуду, вытряхнул из нее содержимое.

Множество памятных медалей на старых колодках, орден Отечественной войны и несколько выцветших фотографий тридцатилетней давности.

– Вот он.

– Это не он, – не согласился старик. – Этот – второй степени. А у твоего бати – первой. – Он достал из ящика стола красную коробку. – Я его отдельно храню.

– Спасибо, Илья Иванович. – Константин взял коробку. – Уберите все здесь, ладно?

И вышел из кухни. А Илья Иванович принялся складывать в жестяную коробку солдатские, памятные и юбилейные медали. Делал он это неторопливо, разглядывая каждую медаль в отдельности. Порою качал головой, порою грустно улыбался чему-то. Последней он взял со стола фотографию с оторванным уголком. На ней были видны два солдата в сдвинутых на затылок зимних шапках с автоматами на груди. Позы и улыбки их были неестественно напряжены, потому что солдаты явно позировали фронтовому фотографу. Фоном для снимка служили руины какой-то немецкой крепости. Возможно, то был Кенигсберг. Несмотря на давний срок и потрепанность, в одном из солдат можно было узнать молодого Илью Ивановича.

Орден Отечественной войны первой степени лежал на широкой ладони командира полка.

– Весомая вещь, – сказал полковник, уважительно взве-

шивая орден. – Маленькая, а весома.

В комнату бочком проскользнул Илья Иванович с тарелкой нарезанного лука. Поставил на краешек стола, хотел было тотчас же выйти, но полковник заметил его:

– Илья Иванович, куда это вы? За стол просим, за стол. Ребята, место ветерану Великой Отечественной.

Гости задвигались, освобождая место. Кто-то уступил стул, кто-то принес тарелку, вилку, рюмку. И тотчас же щедрая офицерская рука потянулась к этой рюмке с бутылкой водки.

– Отставить, – негромко сказал полковник. – Боржомчику можно вам, Илья Иванович?

– Если без градусов, – робко уточнил старик.

– Без градусов. – Полковник сам налил боржомом. – Ну, чего сыну пожелаете?

– Сыну?.. – Илья Иванович неуверенно улыбнулся. – Оно конечно, оно так. – И встал. Рука дрожала, боржомом проливался на стол. – В большую дорогу провожают тебя, Константин. Да. На учебу. Потом в большие начальники выйдешь. Так ты, это, ты о солдате не забывай. Начальник, он солдатами держится, каких бы званьев ни достиг. А солдаты – тобой. Нету у них никого, кроме начальников. Никого нету. И пожаловаться некому.

Помолчал, выпил боржомом и, шаркая ногами, вышел. И все молчали. Полковник встал.

– За отцов, – негромко сказал он. – Павших и еще живых.

Все встали, стараясь поменьше шуметь. Выпили.

– Когда ты, капитан, на отцовской могиле в последний раз был? – не глядя, спросил полковник, аккуратно поставив рюмку.

– Так я ведь, в сущности, и не знал, где эта могила. Впервые из открытки выяснил. Теперь надо будет как-нибудь съездить. В отпуск. Или на каникулы.

– Тебе когда в академию являться?

– Ровно через десять дней.

– Тогда зачем тянуть? Святое это дело – отцовской могиле поклониться. Особенно перед таким рубежом, как академия. Понятно – нет?

Капитан не ответил. Он уложил орден в красную коробочку и, закрыв крышку, забарабанил по ней пальцами.

Но стука его пальцев по коробочке мы не услышали, потому что в этот момент зазвучал лязг винтовок, взятых к ногам в три приема. И голос:

– Взвод, смирно! Равнение на середину! Слушай переключку. Рядовой Абрамов!

– Я!

– Рядовой Бесымбаев!

– Я!

В узком коридоре дощатого барака с запылившимися стеклами и двумя рядами трехъярусных нар был выстроен взвод маршевого батальона. Места было немного, и командиру взвода младшему лейтенанту Суслину, одетому в

аккуратную гимнастерку с белоснежным подворотничком, приходилось вжиматься в проход между нарами. А во главе взвода стоял степенный усатый помкомвзвода старший сержант Гарбузенко и хрипло выкрикивал фамилии личного состава.

– Рядовой Гусев!

– Я! – отозвался высокий тощий солдат.

– Пат без Паташона, – негромко, но внятно произнес стоявший в строю ефрейтор Виктор Святкин: худой, как все, но не как все разговорчивый. На его потрепанной гимнастерке с двумя полосками за ранения выделялся новенький орден Красной Звезды.

– Рядовой Глебов! – продолжал Гарбузенко.

– Я!

– Иван Четвертый, – пояснил Святкин. – Но не Грозный.

– Рядовой Кодеридзе!

– Я!

– Абрек, – сказал Святкин.

– Рядовой Лавкин!

– Я!

– Калуга, – произнес Святкин, и стало понятно, что во взводе у каждого есть прозвище и что автор прозвищ ефрейтор Святкин.

– Младший сержант Сайко!

– Я, – отозвался рослый сержант, стоявший на правом фланге.

– Ванька Первый, – уважительно отметил Святкин.

– Ефрейтор Святкин!

– Я! – гаркнул Святкин. И добавил: – Можно просто –

Сват.

– Рядовой Хабанеев!

– Я!

– Хабанера, – отметил Святкин.

– Отставить! – крикнул Суслин и, ткнув пальцем в Святкина, приказал: – Ефрейтор Сват... то есть Святкин, выйти из строя!

Святкин сделал два шага и повернулся лицом к шеренге.

– Товарищи бойцы! – сердито сказал Суслин, грозно сведя полудетские брови. – Сегодня я принял второй взвод. Командир батальона лично мне поставил задачу: в кратчайший срок подготовить взвод истребителей танков. И что же я вижу на первом построении? На первом построении я нахожу исключительную расхлябанность и разгильдяйство!

– Я думал, вам интересно будет прозвища узнать, – простодушно пояснил Святкин.

– Ефрейтор Святкин, два наряда вне очереди!

– За что же, товарищ младший лейтенант? – искренне удивился Святкин. – Я же, так сказать, в порядке ознакомления с личным составом вверенного вам взвода истребителей танков.

– Три наряда! – распалясь, крикнул Суслин.

– Есть три наряда, – согласился Святкин. – Но только на

кухне.

– Четыре наряда за разговорчики!..

– А вот это уж дудки, – улыбнулся Святкин. – Только три. Четыре Устав внутренней службы не позволяет. Вы – взводный, я – ефрейтор. Больше трех нарядов у вас прав нет, товарищ младший лейтенант. Вот если на кухню...

Суслин был явно озадачен. По шеренге пробежал смешок.

– Отставить смех! – крикнул Суслин. – Командир батальона поставил задачу, чтобы второй взвод истребителей танков стал примером для всего маршевого батальона. Примером во всем. В боевой подготовке. В дисциплине. В ношении формы. И я хочу, чтобы вы знали с первого же дня: в боевой подготовке не будет никаких поблажек. Напротив. Трудности и еще раз трудности! Будут внезапные тревоги. Ночные броски. «Тяжело в ученье – легко в бою!» Знаете, кто это сказал?

– Так точно! – радостно рявкнул Святкин. – Генералиссимус Суворов!

– Какой еще «иссимус»? – удивленно спросил Суслин.

– Звание, – принялся простодушно объяснять Святкин. – Бывают генерал-майоры, генерал-лейтенанты, генерал-полковники, а Суворов был генерал-иссимусом.

Строй радостно рассмеялся.

– Отставить смех! – крикнул Суслин. – Слушай задачу сегодняшних занятий по...

Но тут раздался голос дневального, стоявшего возле две-

рей:

– Смирно!

В казарму вошел командир батальона, немолодой капитан, еще не оправившийся от ранения, а потому – с палочкой.

Суслин бросился навстречу, расталкивая строй собственных подчиненных:

– Товарищ капитан... Да пропустите же меня!.. Товарищ капитан, второй взвод первой роты вверенного вам батальона построен для полевых занятий. Командир взвода младший лейтенант Суслин!

– Отставить полевые занятия, – устало сказал комбат. – Взвод – на разгрузку капусты.

– Что?..

– На разгрузку капусты, – терпеливо повторил капитан. – Слава богу, хоть капусту дали.

– Есть на разгрузку капусты, – упавшим голосом сказал Суслин.

– Гарбузенко, выводите личный состав.

– Напра-во, – сказал помкомвзвода. – Не в ногу на выход шагом марш!..

Сломав строй и вдоволь потолкавшись в узком проходе, солдаты выходили из казармы.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться? – спросил Суслин, когда они остались вдвоем в опустевшей казарме.

Командир батальона оглядел его с ног до головы, вздохнул:

– Больно уж вы аккуратный какой-то, лейтенант. Какой-то слишком уставной, что ли.

– Не понял, товарищ капитан.

– Хоть бы гимнастерку укоротили, – с досадой сказал капитан. – Или козырек на фуражке пальца на два обрезами.

– Так ведь не положено, товарищ капитан.

– Это точно, что не положено, – еще раз вздохнул комбат. – Ну, что у вас?

– Относительно ефрейтора Святкина, – сказал Суслин, почему-то понизив голос. – Недисциплинирован. Дерзок. Такой может весь взвод разложить. Настоятельно прошу перевести его от меня, товарищ капитан.

– Святкин – фронтовик, – помолчав, сказал комбат. – В последнем бою подбил два танка, за что в госпитале ему вручили орден. А вообще сложной он судьбы человек. Из беспризорников. Что нельзя не учитывать. Рекомендую найти подход. Из взвода Святкина убирать не будем. Ясно?

Суслин кивнул.

– У вас в школе было прозвище, лейтенант?

– Никак нет.

– Теперь будет, – обнадежил капитан, – Святкин постарается. Отправляйтесь за взводом и возглавьте работу по разгрузке капусты. А то они там сожрут половину. Хлопцы без витаминов отощали.

Вытянувшись в цепочку, взвод выгружал капусту с платформы, стоявшей на запасном пути. Солдаты перебрасывали

друг другу кочаны, сопровождая работу шутками, смехом и звучным хрустом капустных листьев.

Младший лейтенант Суслин выгружал капусту вместе со всеми. Сейчас он не чувствовал себя их командиром, а всего лишь одним из сорока молодых, азартно трудившихся парней.

– Лови!

– Принимаю!..

Ловя кочан, Суслин оглянулся и увидел...

...как командир отделения сержант Мятников, стоявший на платформе, выбрав из кучи два больших кочана, переброешил их через противоположный борт.

– В чем дело, сержант Мятников? – грозно крикнул Суслин, подбегая к платформе. – Почему разбазариваете продовольствие?

– Я ничего не разбазариваю, – хмуро пояснил Мятников. – Я просто отдал два кочана.

– Кому отдали? – запальчиво наседал Суслин. – Кому, спрашиваю?

И оглянулся.

На путях стояла худенькая девочка лет двенадцати в большом солдатском ватнике и сапогах. Сунув кочаны в мешок, она собралась было бежать, но бдительный Суслин остановил ее:

– Девочка, стой!..

Девочка остановилась, с испугом глядя на лейтенанта.

Взвод тут же бросил работу. Солдаты смотрели на командира серьезно, ожидая и проверяя одновременно, и младший лейтенант уловил это.

– Почему здесь посторонние? – спросил он, но уже без прежнего металла в голосе.

– Она не посторонняя, – серьезно пояснил Мятников. – Она – сирота. Отец погиб на фронте, а мать тут умерла.

Младший лейтенант молчал, не зная, как следует поступить в подобной ситуации, поскольку в уставе никаких указаний на этот счет не содержалось.

– Иди, Наташа, иди, – тихо сказал Мятников девочке. – Не бойся, дядя шутит.

Девочка кивнула и пошла по железнодорожным путям. А Суслин стоял у платформы молча и смотрел вслед расхитителю, уносившему «казенное продовольствие» на глазах всего взвода.

– Взвод, приступить к работе! – послышался за его спиной голос старшего сержанта Гарбузенко.

И сразу же вновь раздались звучные удары тугих кочанов, смех и веселая перебранка работавших солдат. А Суслин по-прежнему смотрел вслед уходившей девочке...

...И возник шумный школьный класс.

Ученики десятого класса рассаживались по партам после большой перемены, дожевывая завтраки, доставая книжки, тетради, готовальни.

На последней парте Игорь Суслин и красивый юноша с

уже пробившимися усиками сцепили руки, и по тому, как третий мальчик, перегнувшись, разбил рукопожатие ребром ладони, стало понятно, что ребята о чем-то поспорили.

Игорь выбрался из-за парты и прошел к доске, где стояла хрупкая большеглазая девочка с толстой косой и стирала тряпкой написанные мелом предложения.

Игорь подошел вплотную и положил руку на ее плечо. Она не сбросила руки, только вопросительно улыбнулась. Игорь медленно провел рукой вниз по натянутому платью, дошел до груди и вдруг сжал ее в ладони. Стиснул на глазах у всего класса. И отшатнулся, ожидая удара.

Но удара не последовало. Девушка просто смотрела ему в глаза. Молча и очень серьезно. И под этим взглядом Игорь опустил голову, поняв вдруг, что ударил-то – он...

Младший лейтенант Суслин по-прежнему стоял возле железнодорожной платформы с капустой и смотрел....

...как азартно и весело перекидывают друг другу кочаны солдаты его взвода.

Он смотрел, но ничего не слышал. Ни шуток, ни смеха. Он слышал сейчас только самого себя, свой собственный голос.

«– Как же мне тогда стало стыдно, Кимка! И стыд этот не прошел до сих пор. Если я когда-нибудь увижу тебя, милая моя Кимка, я попрошу прощения. Только, наверно, я не увижу тебя. Я даже не знаю, где ты теперь, Кима Вилленстович?..»

Суслин все еще стоял возле заметно опустевшей платформы, слушая самого себя...

– Что это командир наш, вроде как офонарел? – спросил Святкин, ловко принимая очередной кочан, и вздохнул: – Все-таки, ребята, он не того...

– Задумался человек, – добродушно отозвался Сайко. – Тебе это, конечно, не очень понятно... Кстати, Сват, ты ему прозвище придумал?

– Суслик. – Помедлив секунду, убежденно сказал Святкин. – Младший лейтенант Суслик. Звучит?

– Что-то не похож он на суслика, – усомнился Сайко.

– Не скажи, Ваня, – усмехнулся Святкин. – Есть в нем что-то от грызуна. Въедливость этакая.

– Тише, – с укоризной сказал Сайко. – Услышит.

Но Суслин не слышал этого разговора. Он смотрел на солдат по-прежнему отсутствующим взглядом, вслушиваясь в собственный голос:

«Ты помнишь, Кимка, когда мы принимали тебя в комсомол, то все допытывались, почему у тебя иностранное имя? А ты объяснила нам, что папа назвал тебя так в честь Коммунистического Интернационала Молодежи. Только женского рода. И сейчас мне кажется... Нет, я знаю, что люблю тебя, Кимка, мой Коммунистический Интернационал Молодежи женского рода...»

– Амба! – веселый крик Святкина прервал размышления Игоря. – Хана, кореши!..

К Суслину подошел как всегда неторопливый Гарбузенко:

– Товарищ младший лейтенант, взвод закончил разгрузку капусты.

Игорь оглянулся.

Перед ним стояла пустая платформа.

* * *

Было поздно, и гости уже разошлись. За стеной надсадно кашлял Илья Иванович: никак не мог заснуть. Поэтому Люба и Константин разговаривали на кухне неестественным шепотом, что придавало их беседе драматический характер. Люба мыла тарелки и передавала их мужу, а он вытирал и ставил их в шкаф.

– Посуди сама, Люба, это же неразумно, – говорил он. – Ты не хочешь трезво оценить обстановку. К чему нам всем троим маяться? Ведь пока мы здесь жили, я слова против не сказал. Вспомни. Ты сама гораздо чаще меня на него раздражалась. Но одно дело – в войсках, когда я с подъема до отбоя в части, и совсем другое – в Москве. В академии придется много заниматься дома, во время сессий – наверняка ночами. Тем более я решил закончить академию только с отличием. А Илья Иванович иную ночь, вот как сейчас, к примеру, всю напролет кашляет, а иную – вообще по комнате бродит.

Или на кухне сидит и курит одну за другой, да медали свои перебирает. Как все это будет в Москве, когда мне зубрить надо?

– Что же ты все-таки предлагаешь? – стараясь быть терпеливой, спросила Люба. – Бросить его здесь одного?

– Я предлагаю отправить его в Сызрань. К Ивану.

– Ему же там даже спать негде! – не сдержавшись, воскликнула Люба. – У Вани однокомнатная квартира. Маленькая дочка. К тому же представляю, какую жизнь устроит отцу Клавка. Да он и сам не согласится. Не умеет он людей стеснять. Ну не умеет, не научился.

Константин закурил. Подумал.

– Иного выхода нет, Люба. Ну просто нет. Пускай они возьмут его хотя бы на время. Должна же быть какая-то очередность, что ли. Может быть, нам удастся снять в Москве двухкомнатную квартиру. Поговори с Ваней, Люба, очень тебя прошу.

Она не ответила и, приняв ее молчание за согласие, Константин продолжал уже увереннее:

– Итак, я принимаю решение. Утром ты звонишь Ивану в Сызрань и уговариваешь его взять старика. Я поеду вперед для разведки боем. На денек задержусь в Подбедне. Полковник прав, надо перед академией на отцовской могиле побывать. А то слыхала, как он вчера спросил с подковыркой: дескать, что же это ты, капитан? Я человек несентиментальный, без предрассудков, но долг есть долг. А долги надо пла-

тить. Денежные. Офицерские. Сыновние. Всякие. Исполню долг, поеду в Москву и буду тебя там ждать. Да, насчет старика Ивану скажи, что временно. Мол, пока не устроимся в Москве, а там видно будет. Договорились?

Он хотел обнять ее, но она молча высвободилась и пошла к двери. Остановилась, сказала бесцветным голосом:

– Одно я поняла, Костя. Если бы это был твой отец, ты бы так не рассуждал.

– Как – так?

– Расчетливо. Как при стрельбе по фанерным мишеням. – И вышла.

Очень расстроенный последним сравнением, Константин отошел к окну. Мело за окном.

И вдруг откуда-то, из этой холодной темноты, послышался задохнувшийся от бега голос командира взвода младшего лейтенанта Суслина:

– Взвод, к бою! Танки – справа, мотоциклы – слева! Бронбойщики, вперед!..

Суслин стоял посередине заметенной снегом дороги и кричал взводу, уже порядком уставшему после длительного марш-броска. Зимний ветер со снегом бил в лица солдат, задувал под завязанные на подбородках шапки, покрывал инеем стволы промерзших винтовок.

– Бронбойщики, к бою!.. – продолжал выкрикивать «вводную» Суслин, пятясь почему-то и несолидно размахи-

вая руками. – Пулеметчики, туда!.. Танки – справа!.. Справа, я сказал!..

Сайко и Хабанеев ринулись в разные стороны. Токаревская бронбойка сорвалась с плеч. Они поймали ее и начали отчаянно тянуть каждый к себе: Сайко – за приклад, Хабанеев – за надульник.

– Куда тянешь, дура, куда, салага!.. – хрипел Сайко.

– Так он же туда показывал!

– Так ведь танки-то – справа!

– Так он же туда тыкал!..

– Пулеметчики, куда вас черт в сугроб понес?.. – надсадно кричал Гарбузенко. – Соображать надо, где мотоциклы ездят!..

– Заорал, будто на раздатке его на пайку хлеба обсчитали, – хмуро проворчал сержант Мятников, возвращаясь на дорогу. – Да не тычь ты стволом в снег, не тычь, зелень тыловая!

Наконец разобрались, где танки, где мотоциклы. Разбежавшись по обочинам, солдаты залегли в сугробах, изготовили оружие.

– Молодцы! – бодро кричал Суслин, ощущая прилив командирской гордости. – Пулеметчикам следить за флангами! Сержант Мятников, вас убило очередью!

– Во повезло, – обрадовался Мятников. – Можно встать?

– Так убило же вас! – азартно пояснял Суслин. – Убило, потому что высовываетесь и подставляете себя под интен-

сивный огонь противника. Где вторая бронебойка? Где Святкин?

– Тут я, – за спиной младшего лейтенанта раздался негромкий и очень спокойный голос. – Спичек не найдется, товарищ младший лейтенант? Что-то моя «катюша» совсем фурыкать перестала.

Суслин круто развернулся: перед ним стоял ефрейтор Святкин и одеревенелыми пальцами оглаживал цыгарку.

– Святкин, почему вы здесь? – грозно спросил он. – А бой?..

– Какой бой?

– Танки же! – закричал Игорь. – Я же сказал: танки справа! Там ваши товарищи гибнут, там атака, а вы... вы...

– Ах, танки? – лениво переспросил Святкин. – Это которые справа? Так те танки, про которые вы сказали, я отбил.

– Как отбили?

– Отважно, – серьезно сказал Святкин.

– Так доложите, как положено!

– Докладываю: все в порядке, бобик сдох.

– Какой бобик? – опешил Игорь.

– Фрицевский, – пояснил Святкин. – Тридцать семь танков я лично пронзил. Остальные разбежались. Их там мой Калуга прикладом доколачивает.

– Слушайте, Святкин, что вы дурочку строите? – тихо свирепея, сказал Суслин. – Какие же это, интересно, были танки?

– Танки типа «сила», товарищ младший лейтенант!

– Все! – закричал Суслин. – Отбой! Ефрейтор Святкин все танки перестрелял!

– Молодец, товарищ ефрейтор, – обрадованно сказал Кодеридзе. – Вот что значит фронтовой опыт.

– Отставить разговоры! – кричал Суслин. – Разберись по отделениям! За мной бегом, марш!..

Придерживая оружие, взвод рысцой потрусил по дороге следом за своим обиженным командиром.

Игорь гнал их беспощадно. Наконец, взмокшие так, что пар шел от шинелей, солдаты вбежали в расположение маршевого батальона.

В канцелярии возле окна стоял командир батальона и, любясь пышущими жаром «истребителями танков», говорил вечно чем-то недовольному ротному:

– Вот, ротный, отличный взвод. Bravo, Суслин, bravo! Толковый из него растет командир. Жаль только, что нету у него боевого опыта.

– Жаль, – согласился ротный.

– Но с другой стороны – образование, – размышлял комбат.

– С другой – это точно, – хмуро отметил ротный. – А с третьей стороны у него – Святкин.

Ефрейтор Святкин стоял перед строем взвода, понурился, а младший лейтенант Суслин говорил речь, горя

незаслуженной обидой:

– Я не стану вас наказывать, ефрейтор Святкин. Надеюсь на вашу солдатскую совесть. Только дайте слово мне, вашему командиру, и своим боевым товарищам, что впредь вы никогда не сорвете тактических занятий нашего взвода.

– Я не бу, – растроганно сказал Святкин.

– Что «не бу»? – опешил Игорь. – Что значит «не бу»? Ду!

Где ду?

– Я не ду, – всхлипнув, сказал ефрейтор. – Потому я и не бу...

Четыре десятка глоток заржали, словно табун. Гоготали, задыхались, кашляли...

– Командуйте им, чтоб в казарму шли, – посоветовал Гарбузенко. – Намерзлись хлопцы. И жрать им давно пора.

– Командуйте сами, – Суслин вяло махнул рукой и пошел совсем не в ту сторону...

Константин лежал на второй полке купейного вагона, вслушиваясь в стук колес и звуки ночной поездной жизни. Ему не спалось. Состав замедлял ход. Зашипели тормоза, поезд остановился. Громыкнула входная дверь, и в коридоре послышался недовольный голос проводницы:

– Куда я вас дену? Куда? Сказано, мест нет, так все равно лезут и лезут!

– Не волнуйтесь, пожалуйста, – мягко сказал женский голос. – Мне недалеко, я здесь постою, в коридоре. Я не могу

не ехать, просто не могу. Я же объясняла вам...

– Объясняла, объясняла, – почему-то очень обиженно проворчала проводница и, видимо, прошла в свое купе, потому что хлопнула дверь.

Поезд тронулся с места. Опять застучали колеса...

Длинный дощатый стол казармы был завален паклей, тряпками, шомполами, манерками с маслом и щелочью. Взвод занимался чисткой оружия.

Суслин ходил за спинами солдат, не вмешиваясь в их ленивый разговор.

– Нетерпеливый ты, Абрек, – ворчал Мятников. – Не дери паклей ствол, не дери. Гладь – пулемет ласку любит. Ты что, девок никогда не гладил, что ли?

– Зачем так о женщинах говоришь? – сердился Кодеридзе. – У меня жена есть, мне обидно, понимаешь.

– Жена? – недоверчиво протянул Мятников. – Ну, ты даешь, Абрек! И ребенка успел сделать?

– Зачем опять обидно говоришь? Спроси: дети есть? Отвечу: есть. Сын есть, понимаешь?

– Сын?.. – поразился сержант. – Ну, извини, не знал. Извини, друг. Сын... Сын – это, брат, здорово! Ты молодец, что сына заимел. По себе знаю. У меня, брат, двое.

– А у меня – девочка, – ласково улыбнулся Хабанеев. – Я ей самое красивое имя нашел. Такое...

– Ты бы лучше пружину нашел, Хабанера, – прервал его

Сайко. – Баланду травить вы все мастера, а я вот интересуюсь, где наша пружиночка?

– Должно, уронили, товарищ младший сержант.

– Уронил, так ищи, салага! А то девочка твоя в первом же бою сироткой останется.

Хабанеев покорно полез под стол, где и принялся искать злополучную пружину, недовольно ворча под нос:

– Ходят тут, ходят, а потом удивляются, отчего это оружие не стреляет...

– Вы обо мне, что ли, Хабанеев? – нахмурился Суслин.

– Никак нет, – отозвался из-под стола Хабанеев. – Я о старшем сержанте Гарбузенко, товарищ младший лейтенант. У него сапоги сорок шестого размера: затвор можно унести, не то что пружиночку.

– Кстати, а где Гарбузенко? – спросил Игорь.

– К старшине пошел, – пояснил Мятников, любовно протирая ветошью ствол пулемета. – Мыло канючить.

– Нам же выдавали мыло? – удивился Суслин.

– Тому мылу кто-то уже ноги приделал, – усмехнулся Сайко.

– Тю-тю наше мыльце, – вздохнул под столом Хабанеев. – Теперь газетами мыться будем. Говорят, если взять подшивку за полгода и тереть активно спину, то...

– Что вы там под столом разглагольствуете, Хабанеев? – недовольно спросил Суслин. – Почему вы вообще не вылезаете?

– Я пружину ищу, – объяснил Хабанеев. – Бронебойка без пружины не стреляет. А насчет газет – точно, вы у начхима спросите. Есть у старых подшивок мылящая способность...

– Прекратите глупые остроты! – поняв, что его снова разыгрывают, рассердился Суслин. – Лавкин, почему вы пэт-ээр один чистите? Где ваш первый номер? Святкин где, спрашиваю?

По уши перемазанный маслом Лавкин, в одиночку трудившийся над бронебойкой, обреченно вздохнул:

– Это... Товарищ ефрейтор приказали, чтоб, значит, все блестяло, а сами... – И замолчал.

– Ну и что же они сами? – нетерпеливо спросил Суслин.

– Сами дрыхнут, – пояснил Мятников. – Ну, сачок! На все сто с походом...

Святкин действительно сладко посапывал в самом дальнем углу верхнего яруса нар, и снизу его не было видно.

Суслин взгромоздился на табурет, привстал на носках и лишь тогда обнаружил спавшего ефрейтора.

– Встать! – скомандовал Суслин.

Святкин не шевельнулся, но по его замершему дыханию было ясно, что он прикидывается спящим, соображая, как бы получше выйти из создавшегося положения.

Солдаты перестали чистить оружие, с интересом ожидая начала очередного «спектакля».

– Ефрейтор Святкин, встать! – крикнул Игорь и дернул спящего за ногу.

– Раны... – вдруг простонал Святкин.

– Какие раны? При чем тут раны?

– При мне, – умирающим голосом пояснил ефрейтор. – Болят мои раны. Застудил в период героического отражения танковой атаки. Скрутило.

– Скрутило?.. – Игорь в растерянности оглянулся... и увидел сорок молодых, приготовивших улыбки лиц. Спрыгнув с табуретки, Игорь спокойно и неторопливо пошел к выходу.

– Куда это он? – шепотом спросил вылезший из-под стола Хабанеев.

– Может, за доктором? – предположил Крынкин.

– Скажешь тоже, – возразил Глебов. – Небось командиру роты жаловаться побежал, Суслик...

Игорь вдруг резко повернулся, шагнул к солдатам. Он смотрел на них в упор. Губы его дрожали, да и заговорил он непривычным, до звона напряженным голосом:

– Ладно, я плохой командир. Я не могу справиться со Святкиным. Я не умею командовать. Я не способен руководить. Но вы же комсомольцы! Вы – комсомольцы, а кругом – война, а вы смеетесь, ржете, как жеребцы, а там товарищи ваши гибнут. Это честно, по-вашему? Это по-комсомольски? Я не виноват, что я – ваш командир... Я готов хоть сейчас стать рядовым. Готов поменяться с любым из вас! Не потому, что боюсь ответственности, а потому, что вы – мои товарищи. Вы же товарищи мои, мы же вчера в школе за партами вместе сидели. А вы... Вы предаете меня. Да, предаете! И

мне стыдно. Стыдно за вас, ребята.

Чувствуя, что вот-вот не удержит слез, Игорь оборвал сам себя, постоял, опустив голову, и быстро вышел из казармы.

В казарме возникла странная тишина. Посерьезневшие солдаты, не глядя друг на друга, вдруг двинулись к нарам, где лежал ефрейтор Святкин. На ходу сержанты и те, кто был постарше, как-то сами собой вышли вперед, оттеснив молодежь.

– Сват, – негромко сказал Мятников. – Ну-ка спустись.

А ефрейтор Святкин все еще по инерции улыбался...

Вечером младший сержант Сайко докладывал командиру взвода младшему лейтенанту Суслину:

– Товарищ младший лейтенант, во взводе вечерняя проверка произведена. Личный состав налицо. За исключением ефрейтора Святкина. Докладывает дежурный младший сержант Сайко.

– А где Святкин? – хмуро спросил Суслин.

– Отправлен в санчасть, товарищ младший лейтенант.

– Опять раны?

– Никак нет. С нар упал. Аккурат после разговора с вами.

– То есть как это – упал? – нахмурился Суслин.

– Не спрашивай ты ни о чем, лейтенант, – с грубоватой фамильярностью ответил Сайко. – Не спрашивай, и все будет нормально. Поговорили с ним ребята маленько, вот и все. По-солдатски, как говорится, без мусора из казармы...

Константин сел на верхней полке вздрагивающего от быстрого хода вагона. Нашупал в кармане тужурки сигареты. Осторожно, стараясь не побеспокоить соседей, спрыгнул на пол и вышел из купе.

В коридоре было пусто. Только возле одного из окон стояла молодая женщина в расстегнутой шубе и сброшенном на плечи платке. У ее ног громоздился объемистый чемодан.

Константин закурил и, раздвинув шторы соседнего окна, стал всматриваться в рассветный полумрак. Мело за окном.

– Март, – сказал он, не глядя на женщину. – А будто в феврале.

– Март, – согласилась она. – Грачи прилетели, а тут вдруг – метель.

Улыбнувшись, Константин посмотрел на нее, встретил большие, очень серьезные глаза, почему-то смешался и спросил невпопад:

– Вы биолог? То есть, я хотел сказать, ботаник?

– Почему ботаник? – пожала плечами женщина. – Я – терапевт. Работаю на «скорой помощи».

– И не страшно?

– Привыкла.

– Я к тому, что не женское это дело – с раздавленными возиться.

– Это крайность, – спокойно ответила она.

– Но случается?

– Случается. Наш город – на автомагистрали. А вы что,

водитель?

– В некотором роде, – улыбнулся Константин. – Механик-водитель первого класса.

Вагон просыпался. Пассажиры с полотенцами потянулись к умывальникам, образуя молчаливые зевающие очереди. Из служебного купе вышла проводница со стаканами чая на подносе.

Проходя мимо, сказала:

– Вы просили предупредить вас насчет Подбедни, товарищ капитан. Подъезжаем. Учтите, стоянка – три минуты.

– Спасибо, – сказал капитан проводнице и взглянул на женщину: – Извините. Моя станция.

– Вас зовут Константином? – Женщина неожиданно тепло улыбнулась.

– Так точно. А почему вы...

– Тогда здравствуйте, Константин. Я – Анна. – Женщина протянула руку. – Это я писала вам открытку. Наши отцы погибли в одном бою...

Суслин стоял перед вечно хмурым ротным в маленькой канцелярии.

– Товарищ старший лейтенант, я же все продумал досконально, – проникновенно говорил он, пытаясь убедить мрачного начальника. – Десять километров – туда, десять – обратно. С полной выкладкой.

– Мороз гарантируют. С ветерком, – упрямо не соглашал-

ся ротный. – Поморозишь ребят, младший лейтенант.

– Ну, знаете, тяжело в ученье – легко в бою.

– Легко у мамы, – уточнил ротный. – Тебе все хаханьки, в считалочки играть: «Аты-баты, шли солдаты». А я год в окопах подо Ржевом проторчал. Хреновина все это, парень.

– Что хреновина? – обиделся Суслин.

– Все! – отрезал ротный. – Броски, ученья, построения. Мина не избирает, пробежал ты десять – туда, десять – обратно. Шарахнет – и привет Александру Васильевичу.

– Какому Александру Васильевичу?

– Суворову.

– Ну, знаете, ваше отношение к боевой подготовке, товарищ старший лейтенант, совершенно не...

– Ладно, это мое дело. Но как командир роты я твою вредную инициативу запрещаю. Никаких бросков, понял?

– Понял, – вздохнул Игорь. – Но ведь у меня комсомольский взвод истребителей танков. Их к трудностям надо готовить.

В канцелярию вошел командир батальона. Поинтересовался, здороваясь с офицерами:

– О чем речь, отцы-командиры?

– Да вот взводный марш-бросок задумал, – хмуро пояснил ротный. – Проявляет инициативу. Таких инициативных надо по линии военторга использовать, а не в пехоте. Мороз обещают под тридцать, а он – бросок.

– А ну как и впрямь солдат поморозите? – спросил комбат.

– Так ведь бегом, – сказал Суслин. – Бегом – не шагом, товарищ капитан.

– Бегом – не шагом, – задумчиво повторил комбат и вдруг оживился: – Кстати, строевой ваш взвод занимается?

– Занимается, – не очень убедительно ответил Игорь. – С места с песней.

– Это хорошо. Запевала есть?

– Есть. Ефрейтор Святкин.

– Поверяющий приезжает, – доверительно сообщил комбат. – Сверху, понимаете?

И многозначительно посмотрел наверх. И ротный со взводным тоже задрали головы.

– Побелить надо, – заметил батальонный.

– Надо, – согласился ротный.

– Всеверяющие сверху имеют одну слабость, – пояснил комбат, покончив с потолком. – Какую?

– Какую? – чистосердечно переспросил Суслин.

– Не знаете вы службы, лейтенант, – покровительственно улыбнулся командир батальона. – Всеверяющие любят прохождение с песней. Теперь ясно? Так что непременно разучите хорошую строевую песню. Будете защищать честь батальона.

– А бросок? – уныло вздохнул Игорь.

– Ах, бросок? Это как ротный решит.

– Против, – решительно отрубил командир роты. – Хлопцам через месяц на фронт, а там бросков хватит. И бегом, и

шагом, и туда, и обратно. Против.

– Ясно, – упавшим голосом сказал Суслин.

– Да, поверяющий может зайти в расположение, – спохватился комбат. – Сегодня же проверьте казарму на предмет лишнего барахла, младший лейтенант. Все убрать. Чтобы было чисто и пусто.

Когда Суслин вошел в казарму, его встретил один дежурный.

– Товарищ младший лейтенант, взвод занимается согласно утвержденному расписанию, – доложил он. – Дежурный рядовой Глебов.

– Срочно проверить тумбочки, Глебов, – приказал Суслин. – Все лишнее – на стол!

– А что – лишнее?

– Кроме умывальных принадлежностей, кружек, ложек и книг – все. Ясна задача?

– Ясна, – сказал Глебов. – А махорка?

– Махорку можно оставить.

Суслин и Глебов начали внимательно проверять тумбочки, стоявшие в два этажа возле стены.

– Из дому что пишут, Глебов? – спросил Игорь, осматривая содержимое тумбочек: зачитанные книжки и журналы, письма и фотографии, кружки да ложки.

– Писать некому, – ответил дневальный. – Мать с сестренкой в Германию угнали, отец партизанит где-то. Если жив. Одна бабка осталась, а она уже и не видит ничего.

– А вы что же в партизаны не ушли?

– Я-то?.. Пахал я.

– Что? – не поняв, переспросил Суслин.

– Пахал, говорю.

Младший лейтенант оторвался от очередной тумбочки и долго смотрел на Глебова с презрительным сожалением.

– На немцев, значит, трудились?

– Немцы за это картошку давали. И отруби.

– Странно, странно, – протянул Суслин. – И много вас таких пахарей было? За картошку и отруби?

– Были уж, – нехотя ответил Глебов и вдруг оживился, вытащив из тумбочки три куска хозяйственного мыла: – Товарищ младший лейтенант, наше мыло! То самое, сворованное. Он его за фанеркой сховал, гад.

– Та-ак, – со злым торжеством констатировал Суслин. – Чья это тумбочка? Святкина?

– Нет. Крынкина.

– Ко мне его. Живо!

Глебов рванулся к двери, но вскоре вернулся, конвоируя тщедушного Крынкина.

– Товарищ младший лейтенант, по вашему приказанию рядовой Крынкин...

Но Суслин не дал рядовому Крынкину окончить рапорт. Отступив в сторону, открыл лежащее на тумбочке мыло, и Крынкин сразу виновато опустил голову.

– Объясните, Крынкин, как это мыло попало в вашу тум-

бочку?

Крынкин подавленно молчал. Только краснел. Медленно и мучительно.

– Вы меня слышите, Крынкин?

– Я, это... Виноват, – еле слышно сказал солдат.

– Украли? – напирал командир взвода. – Украли у своих же товарищей?

Крынкин покивал. Ушанка смешно заерзала на его круглой стриженной голове.

– Эх вы, комсомолец, – вздохнул Суслин. – Пока – комсомолец! Надеюсь, до первого собрания.

– Простите, товарищ...

– Берите мыло, и идем ко взводу, – решительно приказал Суслин. – Вот там вы все сами и объясните своим товарищам.

Крынкин поднял голову. По лицу его катились слезы, но солдат, не моргая, смотрел на командира. Игорю вдруг стало не по себе, и он отвел глаза.

– Берите мыло.

– Мамане послать хотел, – вдруг тихо сказал Крынкин. – Маманя у меня голодует. И сестры. Сильно голодуют. Отца убили у нас. И брата. На брата «похоронка» пришла, у мамани ноги отнялись. По избе еще ходит, а так... Думал, мыла им, хлебца чтоб купили. Голодно. Сильно голодно им, товарищ младший лейтенант.

– Мне жаль вас, Крынкин, – помолчав, сказал Игорь. –

И родных ваших тоже жаль, и вообще... Но вы же украли. Украли!..

– Украл, – покорно согласился Крынкин. – Думал, мамане. Думал, это... – И замолчал.

– Простите вы его, товарищ младший лейтенант, – сказал Глебов. – Я насчет голода знаю. Когда мать есть хочет, так не то что мыло – хлеб украдешь. Я знаю. Простите Крынкина.

– Оставьте ваши советы, Глебов, – поморщился Суслин.

– А я скажу, что я украл! – вдруг зло выкрикнул Глебов. – Пусть в штрафную меня, пусть куда угодно, лишь бы на фронт поскорее! Вы под немцами не были, а я был. И не просто был, а пахал под ними, да! И все равно скажу, что я мыло это украл, а не Крынкин. Он же слабый, не видите, что ли? А я – злой, мне ничего не страшно. Так что либо я, либо...

– А что – либо? – тоже закричал Суслин. – Ну что – либо?! Что? Снова в тумбочку запихать, да? За фанерку? Ну, что вы молчите, Глебов?

– Был бы я командиром, – сказал дневальный, – я бы знал что.

– Так подскажите мне!

– Будто вы сами не знаете? – усмехнулся Глебов.

– Не знаю, – сердито признался Игорь.

– Пойдите на почту и отправьте это мыло Крынкина мамане. От имени взвода.

– Не надо! – всхлипнув, закричал Крынкин. – Не надо это!

Не надо!

– Нет, надо! – резко сказал Глебов. – Надо, чтоб ты, гад, на всю жизнь запомнил, как у товарищей воровать!

– Идите, Крынкин, – сказал младший лейтенант. – И пока помалкивайте там.

Шмыгая носом, Крынкин вышел.

– Не понимаю я вас, Глебов, – вздохнул Игорь. – С одной стороны, вроде бы... А вообще непедагогично. Непедагогично, и я вас не понимаю.

– Не голодали вы, товарищ младший лейтенант, – колюче глядя на Игоря, сказал Глебов. – Не голодали...

Когда Константин вошел в станционный буфет, там было пусто.

Только молодая полная буфетчица разговаривала из-за стойки с Аней, которая в одиночестве завтракала за столиком у окна.

– А твой все летает?

– Летает.

– Не пьет-то хоть?

– Ему нельзя, – печально улыбнулась Аня. – Он у меня – летчик-истребитель. Садитесь, Костя, позавтракайте.

Константин сел за ее столик.

– Билет компостировал, – сказал он. – Поезд завтра вечером. В двадцать два сорок четыре. Так что все отлично устроилось.

Анна перестала улыбаться.

– Вы забыли, какого числа погибли наши отцы? Шестого марта. Все только послезавтра съезжаться начнут.

– Ничего не поделаешь, – сказал Константин. – Меня в Москве ждут. Схожу на могилу, возложу букет.

– Люся, посчитай мне, пожалуйста, – сказала Анна буфетчице.

– Вместе считать?

– Отдельно. – Анна отвела глаза от Константина. – А вы спросите автобус на Ильинку, товарищ капитан. От Ильинки они тогда прошли совсем немного, пешком доберетесь. Только напрасно вы букет с собой не захватили. Здесь цветов не достать, придется ограничиться возложением еловой ветки.

Встала, отошла к стойке. Расплачивалась там с буфетчицей. А у Константина вдруг пропал аппетит.

– Ну что сидите? – злясь, спросила Анна. – Вы же спешили отдать сыновний долг и отбыть в столицу нашей родины.

– Вы местная? – спросил вдруг Константин.

– Нет.

– Родственники тут?

– Почти родственники, – нехотя ответила Анна и, помолчав, добавила: – Я здесь в пятнадцатый раз.

– В пятнадцатый?.. – удивился Константин, только теперь начиная догадываться. – И всегда в марте?

– Всегда в марте, – ответила Анна. – Однажды была летом. Отпуск здесь провела. Но это не в счет. Это в шестнадцатый

раз.

– Тем летом обелиск на братскую могилу ставили, – пояснила бужетчица. – Еще Гарбузенко жив был.

– Какой Гарбузенко? – спросил Константин.

– Старший сержант. Помощник командира взвода, – пояснила Анна. – Умер два года назад, просил, чтоб его – в ту же, братскую. С трудом, но удалось.

– Значит, вы ездите сюда половину вашей жизни?

– Отец и есть половина жизни. Половина жизни – отец, другая половина – мама.

– Здесь живет кто-нибудь, кто был в том бою? – помолчав, спросил Константин.

– В бою погибли все, – ответила Анна. – Немцы добились даже раненых. Но одна девочка из Ильинки пряталась в кустах. То есть это тогда она была девочкой, теперь она – Валентина Ивановна. Я у нее останавливаюсь.

Константин очень внимательно выслушал ее, вздохнул, помолчал. Сказал вдруг, не глядя:

– Не сердитесь на меня, Аня. У каждого свое. Жизнь, как говорится, есть жизнь. Скажите лучше, что я должен сделать?

Анна улыбнулась:

– Для начала помогите мне дотащить чемодан.

...Офицеры маршевого батальона были выстроены на заснеженном плацу. Поверяющий – кругленький, весьма по-

жилой и очень усталый генерал – кричал обиженным голосом:

– Немец – не дурак, лейтенанты! Не дурак, понятно? «На ура» с ним не надейся! Я его еще с пятнадцатого постиг! Солдату на войне тяжелее всех, понятно? Он прямехонько на смерть побежит. Обманет – удача, не обманет – слава вечная! И коли он чего не умеет, то не он виноват, а его командир, понятно? Солдат никогда не ленится – это его командир ленив. Все с вас спрошу, лейтенанты, все – с вас! Если солдату мы землю свою доверили, то вам – солдат. Самое дорогое, что у нас есть. Дороже не придумаешь. Кто командир взвода, в котором сегодня ефрейтор первой гранатой макет танка разнес?

– Младший лейтенант Суслин! – покраснев от удовольствия, гаркнул Игорь. – Второй комсомольский взвод истребителей танков!

– Комсомольский? Отменно! – похвалил генерал. – Как фамилия молодца?

– Ефрейтор Святкин, товарищ генерал. Ротный запевала!

– Два раза молодец, – улыбнулся генерал. – Твой взвод выделен для прохождения?

– Так точно, товарищ генерал!

– Ну, лейтенант, командуй. Да скажи этому... Святкину, чтобы порадовал меня песней, как порадовал меткостью на ученьях. Иди.

– Есть! – крикнул Суслин и со всех ног бросился к взводу,

построенному на другом конце плаца.

– Суслик бежит, – сказал Святкин, увидев бежавшего к ним младшего лейтенанта. – Чего это он сияет, как взводная сковородка?

– Взвод, смирно! – подал команду Гарбузенко.

Подбежал Суслин. Он запыхался и говорил с перерывами, задыхаясь:

– Значит, так... Как махну... Как махну рукой – запевай. Все дружно... И ножку чтобы... Ножку, чтоб земля гудела... Товарищ ефрейтор Святкин, генерал... генерал лично... Лично, понятно?..

– Лично понятно, – согласился Святкин.

Печатая ногу, взвод шагал по заснеженному плацу.

Суслин шагал впереди, ступая легко и упруго, радостно ощущая единый ритм со своим взводом истребителей танков. Направляя взвод к наспех сколоченной трибуне, он молодецки развернул плечи и махнул рукой.

Солдаты начали особенно старательно впечатывать ножку, а ефрейтор Святкин, откинув голову, запел:

Аты-баты, шли солдаты,

Эх, шли солдаты на войну!

И взвод весело подхватил припев:

Нам бы кралю, нам бы кралю,

Нам бы кралю хоть одну!..

В это время взвод проходил мимо начальственной три-

буны, солдаты, естественно, держали на нее равнение. Но, услышав ошарашивающе незнакомую мелодию и текст песни, Суслин невольно оглянулся, сбил шаг и нелепо засеменял, пытаясь поймать ритм.

А его взвод, изо всех сил топая сапогами, то молодецки выкрикивал: «Эх!», то скорбно вздыхал: «Ох!..»

Эх! Нам бы кралю, нам бы кралю,
Ох! Нам бы кралю хоть одну!..

– Что это они горланят? – удивленно спросил генерал.

– Вроде «По долинам и по взгорьям», – неуверенно подсказал командир батальона.

– Ну оболтусы! Ну разгильдяи! – свирепо засопел генерал. – Взводного ко мне!..

Постоял, подумал, махнул рукой и усмехнулся в седые усы:

– Впрочем, отставить! Песня как песня. Пускай поют!..

Анна и Константин тряслись в сельском газике. Молодая женщина сидела рядом с шофером, а капитан боком примостился на заднем сиденье, где стоял Аннин неподъемный чемодан.

– Значит, к памятнику желаете? – болтал шофер. – Полчаса делов. Я мимо того памятника два раза в день езжу.

– Он сильно облез? – спросила Анна.

– Есть маленько, – сказал шофер. – Краски хреновые, что ли. Или сырость особая от речки. Каждый год подновляют, а к весне – опять разводы. Надо бы пленкой прозрачной покрыть. Или лаком в три слоя.

– Надо, – согласилась Анна.

– Вот и написали бы куда, – продолжал парень. – Мол, туристы, случайно заинтересовались, то да се. А то наших не прошибешь: то денег у них нет, то еще чего. Только к юбилеям и спохватываются. Главное, мужики там лежат стоящие. Восемнадцать «тигров» подбили!

– Так уж и восемнадцать? – улыбнулся Константин.

– Точно говорю, – обиделся шофер. – Я, правда, не местный, но мне ильинские рассказывали, как они тут, солдаты то есть, танки рвали. Главное, пушек-то у них не было, вот какое обстоятельство. Одни гранаты, значит. Вот они обвяжутся гранатами и – под «тигра». Восемнадцать хлопцев – восемнадцать «тигров». Такая арифметика.

Кончилась белая от берез и снега рощица, дорога покатилась вниз, а машина остановилась. Все трое выбрались из «газика».

– Вот она – братская, – сказал шофер.

Памятник стоял в чистом поле насквозь продуваемый ветрами. Это был стандартный четырехгранный обелиск, облицованный плитами из белого мрамора, с площадкой для венков, огражденной металлической решеткой. В стороне от памятника тянулась к бетонному мосту наезженная дорога, а

вокруг, куда только достигал взгляд, белели чистые снега.

– Пойдемте к памятнику, – предложил шофер. – На нем фамилии есть. С трех сторон.

Но его пассажиры не тронулись с места.

– Да, жизнь прожить – не поле перейти, – сказал Константин и, прикрывшись от ветра, закурил сигарету.

– Вы о чем? – спросила Анна.

– Подумал, что это поле перейти было труднее, чем иному прожить целую жизнь. Вернее, не перейти, а не дать, чтобы перешли другие. Не отдать его, это поле. И труднее, и страшнее.

– Пойдемте к ним, Костя.

– Сейчас. Докурю только.

– Они не обидятся.

Анна первой пошла по протоптанной в снегу тропинке к памятнику.

Константин шел следом, а шофер замыкал шествие.

Подошли к памятнику и остановились. Стояли и молча смотрели на обелиск, на приваренные к подножию остатки оружия: погнутый ствол противотанкового ружья, разбитый автомат, обломок винтовки. И на каску. На ржавую каску с дыркой вместо звездочки.

– До сих пор находят, – тихо сказал стоявший позади них шофер. – Как выпашут чего, так – сюда.

Анна и Константин прошли в ограду и остановились рядом с обелиском. И Анна тихо сказала:

– Здравствуй, папка.

– Здорово, батя, – эхом откликнулся Константин.

Шофер смотрел на них с крайним изумлением.

– Надо бы чемодан принести, – сказала Анна Константи-
ну.

– Я принесу! Я!.. – Шофер со всех ног бросился к машине.

Анна медленно шла вокруг обелиска, негромко читая фамилии, выбитые на плитах: Абрамов Георгий, Бейсымбаев Токкул, Глебов Иван, Кодеридзе Реваз, Крынкин Василий, Сайко Иван...

Звучал Аннин голос, перечислявший фамилии восемнадцати солдат, лежавших в братской могиле, а Константин вдруг увидел...

...строй одинаково одетых девочек и мальчиков. Они чинно стояли в зале детского дома и замороженно глядели на большой торт с кремовой надписью: «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!»

И пока за кадром звучал голос Анны, перечислявшей фамилии погибших солдат, детдомовские мальчики и девочки выходили из строя и, получив кусок торта, возвращались на свое место...

Потом голос Анны замер. Константин стоял у лицевой стороны обелиска и смотрел на гипсовый орден Отечественной войны. И слышал другой женский голос. Усталый голос

директорши детского дома:

– Это орден Отечественной войны, Костя, которым был посмертно награжден твой отец. Он хранился здесь, в детском доме, пока не пришла пора тебе покинуть его. Сегодня я передаю его тебе, чтобы орден этот хранился у тебя, как самая большая реликвия. Ты мечтаешь стать офицером. Будь же достоин отцовской памяти, Костя. Доброго тебе пути!

– Еле доволок, – запыхавшись, сказал шофер, втаскивая в ограду чемодан.

– Спасибо. – Анна открыла чемодан.

Чемодан был доверху набит банками с краской.

– Берите кисточку, Костя. Тут часа на три работы. К вечеру будем в Ильинке.

– Я заеду, – сказал шофер. – Я бы помог, но мне на ферму надо. Через три часа заеду. В Ильинке есть у кого остановиться?

– Есть.

– Ждите обязательно! Меня Сергеем зовут.

– Спасибо, Сережа.

Анна и Константин стали вынимать из чемодана банки с краской и кисти. Шофер пошел к машине.

...Воинский эшелон стоял на маленькой прифронтовой станции. Командир роты, тыча пальцем в развернутую карту, объяснял младшему лейтенанту Суслину:

– Мы сейчас здесь, усек? На станции Подбедня. Найди

Ильинку. Куда ты полез на соседний участок? Маршрут – Ильинка. Там заночуешь. Поутру из Ильинки потопоешь на Румянцево. Нашел Румянцево?.. Хорошо. Там доложишься старшему, укомплектуешься оружием. Полностью по штатному расписанию, усек?

– А дальше?

– А дальше – куда пошлют.

– А вы? – как-то совсем не по-военному спросил Игорь.

– Боишься без начальства остаться? – усмехнулся ротный. – А ты не бойся. Начальство всегда найдется.

– Кормить-то их чем? – растерянно вздохнул Суслин. – И спать где?

– Получишь у старшины довольствие на двое суток. Смотри, чтоб враз не слопали. А насчет того, где спать, сам что-нибудь сообразишь. И побольше самостоятельности, взводный! А то песни дурацкие разучивать инициативы хватает, а как солдат спать устроить, так без ротного – ни в зуб ногой.

– Насчет песни, товарищ старший лейтенант, я ничего не знал, потому что...

– Ладно, замнем, – отмахнулся ротный. – Выступишь сразу после завтрака. И учти, фронт рядом. Идти боевым порядком со снаряженным оружием. Усек? И никаких бросков.

– Есть, – вздохнул Игорь, пряча карту в планшет.

Командир роты посмотрел на его озабоченное лицо, сказал вдруг:

– Слушай, а может, забрать у тебя этого... запевалу?

– Ефрейтора Святкина? – нахмурился Игорь. – Благодарю за заботу, товарищ лейтенант. Сам справлюсь.

– Ну, крой, – ротный протянул руку. – Надеюсь, в Румянцеве увидимся. Если еще куда не зашлют...

Взвод шел по обочине разъезженной дороги, растянувшись жидкой цепочкой. Фронт был невдалеке: ветер доносил раскаты артиллерийского огня. По дороге бесконечным потоком ехали груженные машины, легко обгоняя порядком уставших солдат.

– Долго нам еще топать? – догнал младшего лейтенанта Суслина сержант Мятников. – Животы подвело. Где эта чертова Ильинка?

– Еще минут сорок – сорок пять, – не очень уверенно сказал Игорь. – Придется потерпеть.

– Часок потерпеть можно, – согласился Мятников. – Только надо бы нам квартирьера выслать, товарищ младший лейтенант. Поди не одни мы в этой Ильинке будем.

– Правильно, – обрадовался Суслин. – Вот вы, Мятников...

– Пусть уж лучше Святкин, – улыбнулся сержант. – Уж он-то точно отыщет, будьте уверены. Да и причина у него имеется.

– Какая причина? – насторожился Игорь.

– Потом узнаете. Так передать Святкину ваш приказ?

– Передайте.

Мятников побежал назад. Усталые солдаты медленно бре-

ли по обочине друг за другом.

Зацепившись за борт обгонявшей взвод машины, Святкин перекинулся в кузов и укатил, помахав рукой солдатам.

* * *

Константин проснулся в узкой девичьей светелке. За стеной слышались шепот, звяканье посуды. Капитан шумно вздохнул, и в светелку заглянула Анна:

– Вы живы?

– У вас есть основания сомневаться?

– Во всяком случае вчера появились. – Анна присела на край кровати, профессионально поймала пульс. – Пожалуйста, помолчите минуточку. На сердце никогда не жаловались?

– У меня нет сердца, – улыбнулся Константин. – У меня, как раньше пели, «вместо сердца дизельный мотор».

– Пели – «пламенный».

– Танкисты переиначили.

– Все равно, это не медицинская категория. Мне кажется, вы невропат, что довольно странно при вашей профессии. Ни с того, ни с сего грохнулись в обморок.

– Извините, – тихо сказал Константин. – Поверьте, это впервые в жизни.

– Я-то привычная, – улыбнулась Анна.

– Ночь не спал, – виновато вздохнул Константин. – И день

вышел такой... Нервный день вышел.

Анна поднялась:

– Вставайте. Самовар стынет.

– Подождите. Как странно. Я помню, что ночью вы сидели точно так же, как сейчас, рядом, и тогда я представлял, что вы – моя мама. Она умерла, когда мне было три года. Я не помню ее, но ночью мне казалось, что я чувствую ее руки. Казалось совершенно отчетливо. Мистика какая-то, правда?

– Правда, – серьезно сказала Анна. – Я спешу, вас Валентина Ивановна чаем напоит. – И вышла.

Когда Константин вошел в комнату, за столом с шумевшим самоваром сидела только хозяйка дома. Степенная женщина лет около сорока Валентина Ивановна.

– Доброе утро, Валентина Ивановна, – сказал Константин. – А где же Анна?

– На вокзал поехала, гостей встречать. Умывальник у нас – в сенях. Вернешься, чайком угощу.

– Что со мной случилось вчера, Валентина Ивановна?

– Что случилось? – Она вздохнула. – Держался ты, держался, а потом, видать, не выдержал. Тебе бы поплакать – легче бы стало, а ты... Погоны, что ли, не позволяют? Или служба у тебя такая?

– Служба как служба.

– Родные могилы слезы отворяют, – продолжала хозяйка. – Ты бы слез не стеснялся, капитан. Это ведь святые слезы, а в старину и богатыри святых слез не стеснялись. Я вот

простая баба: четверо детей да два мужа – вот и весь мой капитал. Один муж сам помер, другого не стерпела и выгнала. А почему не стерпела? Потому что слеза его только в пьяном виде и прошибала. А отец без слезы – не отец, а «унтер-цер», как бабка моя говорила. Нам, бабам, ведь не мужья нужны. Нам отцы нужны. Отцы детям нашим. А где их взять?

– Убили отцов, – вздохнул Константин.

– Так ведь не всех убили, – возразила Валентина Ивановна. – К тому же пора бы и новым вырасти, а?

– Анна говорила, что вы тогда видели, как раненых добивали?

– Видела, – она помолчала. – Я в кустах хоронилась. Шла в Некрасовку да на немецкий дозор натолкнулась. Вот и пришлось в кустах-то, как мышке.

– Моего тоже доби́ли? – тихо спросил капитан.

– Я не помню, как погиб твой отец, Костя, – так же тихо ответила Валентина Ивановна. – Ты уж прости, врать не хочу: не видела. Анькиного видела, а твоего... Ты уж прости меня. – Помолчали. Потом она сказала: – Поди умойся, Костя.

Он вышел. Валентина Ивановна вытерла слезы, посмотрелась в висящее на стене зеркало, сказала собственному отражению:

– Вот и наврать пришлось. Да оно, может, и к лучшему...

Вернулся Константин. Сел к столу, хозяйка налила ему чаю, придвинула хлеб, масло, яйца, творог. Спросила неужи-

данно:

– Ты женат?

– Женат. Детей пока нет.

– Будь мужиком, Константин, не крути Аньке голову, – очень серьезно сказала Валентина Ивановна. – Ей совсем не так весело живется, как тебе может показаться.

– Да разве танкист супротив летчика потянет? – улыбнулся капитан, стремясь превратить разговор в шутку. – А у нее муж – летчик. Да еще истребитель!

– И все воюет, – горько вздохнула Валентина Ивановна.

– Где воюет?

– В небе. – Она помолчала. – Знаешь, есть такой госпиталь, в котором до сей поры еще раненные лежат?

– Какие раненые?

– Еще на той, на Великой Отечественной. Вот туда Анна и пошла работать после института. Вот там она своего летчика и встретила. Его в первом же бою сбили, совсем, видать, мальчишкой был. Ну, выходила его, добилась, чтоб выписали, замуж за него вышла. Полгода все нормально было, а потом – опять. «Прикрой меня, атакую!..» Целыми днями кричит. И тридцать лет в атаку идет. За нас с тобой...

Взвод разместился на ночлег в большом колхозном сарае. Усталые солдаты, повалившись на прошлогоднее залежалое сено, молчаливо ожидали, пока Гарбузенко и Кодеридзе поделят продукты на сутодачи.

– В деревне раненых полно, – оживленно рассказывал Святкин командиру взвода. – Еле крышу раздобыл. Спасибо, местное население помогло. Вот, знакомьтесь. Валентина Ивановна. Валюха.

И, взяв за плечи, поставил перед собой девочку лет двенадцати, одетую в солдатский ватник, женский платок и огромные латаные валенки.

– Здравствуйте, Валя, – торжественно сказал Суслин и пожал девочке руку.

– Тут в каждой хате по палате, – продолжал ефрейтор. – Раненые, санитарочки, врачей навалом. Сборный пункт, что ли. Эвакуации ждут.

– Большие бои? – солидно спросил младший лейтенант.

– Немцев в колечко взяли, – пояснил Святкин. – Слышали днем дальнобойную? Это их обрабатывали. Так что мы, считайте, в тылу.

– Я пойду, – сказала девочка, с любопытством рассматривая усталого младшего лейтенанта. – Мне завтра вставать рано. В Некрасовку побегу, к бабушке.

– Там же, говорили, немцы? – удивился Игорь.

– Нет. – Девочка открыто, по-детски улыбалась в глаза младшему лейтенанту. – Там бабушка наша. Немцы отступили, а она под ними была.

– Ну счастливо тебе, Валюха, – сказал Святкин. – Спасибо за помощь.

Девочка убежала. Святкин продолжал топтаться возле ко-

мандира взвода. Подошли Гарбузенко, Мятников и Сайко.

– Тут вот какое дело, – степенно начал Мятников. – Двадцать лет – это ведь не шутка, правда, товарищ младший лейтенант? Не баран чихнул, как говорится.

– Дата, – увесисто подтвердил Сайко.

– А будет ли у парня очко или сразу перебор – неизвестно, – глубокомысленно изрек Гарбузенко. – Война, она и не такие банки срывала, верно говорю, хлопцы?

Суслин молчал. Сержанты переглянулись.

– Ну так как, товарищ младший лейтенант? – спросил Мятников.

– Что – как?

– Уважим?

– Ничего не понимаю, – Игорь пожал плечами. – Что вы крутите, Мятников?

– Чего там не понимать? – удивился Гарбузенко. – Двадцать лет Витьке Свату стукнуло, вот и все понимание.

– Двадцать лет? – иронически переспросил Суслин. – Надо же, какое совпадение. Не успели из роты уйти, как сразу...

– Чтоб мне провалиться! – вдруг заорал Святкин. – Чтоб меня в первом бою разорвало, чтоб мне век свободы не видать, чтоб... – не найдя слов, он с остервенением шелкнул ногтем большого пальца о зубы. – Вот!..

– Ну поздравляю, – сказал Суслин, озадаченный его горячностью. – И что дальше?

– А дальше – война, – угрюмо сказал Святкин. – Дальше

– пиф-паф. Может, завтра, может, через неделю. Так имею я право свой день рождения отметить или нет у меня такого права? В селе есть самогонка. Меняют на сахар. Вот я и прошу, в первый и последний раз прошу, лейтенант, позволь сегодня выпить. Просто так, по глоточку. Я – беспризорник, это мой первый день рождения. Первый, ребята, а может, и последний. Вот!..

Святкин замолчал. Молчали и сержанты, ожидая, как решит командир. А Суслин тоже молчал, потому что не знал, как ему поступить.

– Разрешите, товарищ младший лейтенант, – негромко сказал Гарбузенко. – Все хлопцы просят.

– Фронтовых сто грамм нам еще не положено, товарищ старший сержант, – официальным тоном изрек Суслин.

– Так трепачей-то у нас вроде нет, – улыбнулся Сайко. – Ни трепачей, ни стукачей.

Игорь сердито молчал. Кодеридзе с грохотом швырнул котелок и подошел к Святкину.

– Друг! – звонко сказал он. – Мне нечего подарить тебе в этот твой большой праздник. Возьми мой сахар, возьми мой хлеб, возьми мою селедку. Больше у меня ничего нет. Извини, дорогой.

– Спасибо, Абрек, – тихо сказал Святкин. – Ты мировой кореш, я всегда это знал.

– А что же вы молчите, товарищ младший лейтенант? – громко спросил Хабанеев. – Неужели непонятно, что надо

делать? Неужели вы не можете...

– Сахар принадлежит взводу, – деревянным голосом перебил Суслин.

– Ура!.. – завопил Хабанеев. – Попьем, ребята, кипяточку без сахарку? За здоровье Виктора Святкина?

– Весь сахар – ефрейтору, – сказал Глебов. – И сегодняшней и завтрашней. Так что ли, Крынкин?

– Так, – послушно сказал Крынкин. – Это правильно.

– Ну спасибо, лейтенант, – облегченно улыбнулся Сайко. – Я понимаю, трудно такие решения принимать без привычки. Погодите с шамовкой, ребята. Мы с Хабанерочкой сахарок мотанем!..

В большой комнате женщины накрывали на стол. А привезенные со станции сыновья и дочери бродили по дому, не зная, куда себя девать.

– Вы бы пока познакомились друг с другом, – сказала Анна.

К Константину подошел начинающий полнетъ солидный мужчина в очках. Представился:

– Сайко Юрий Иванович. Профессор. Доктор наук.

– А я Костя, – усмехнулся капитан, пожимая руку профессору. – Костя-капитан. Знаете такую песню?

Доктор наук смутился и отошел. Подскочил невзрачный малый неопределенного возраста:

– Лавкин. Леня Лавкин. Может, сообразим со встре-

чей-то? С морозца, а?..

– Все в свое время, Леня! – крикнула от стола Анна.

Красивая женщина протянула Константину руку:

– Хабанеева Юнесса. Солдатская дочь и мать двоих детей.

– А это – сестры Крынкины, – сказала Анна.

На лавке у стены рядышком сидели две очень похожие друг на друга женщины. Они были одинаково одеты и одинаково собирали слезы в зажатые в кулаках платочки.

– Глебов. Племянник, – представился коренастый мужчина в дорогом костюме, но почему-то в сапогах.

– Эх, скучно, братцы! – снова подал голос Лавкин. – Сообразить бы хоть на четверых. Я и сбегать могу.

– Не торопите события, – покровительственно улыбнулся профессор Сайко. – Вам же сказали: все в свое время.

– В свое время только краны текут. Утверждаю как сантехник, – Лавкин вздохнул. – Отсюда вопрос: время для нас или мы для времени?

– Видите ли, для пловца, плывущего по течению, вода не меняется, – принялся солидно разьяснять профессор. – А вот для тех, кто плывет против течения, она всегда новая. Если вы плывете вместе со временем, то становитесь рабом этого времени. Но если вы преодолеваете время, сражаетесь с ним, тогда каждый завоеванный вами час – это ваш час. Тогда вы из пассивного раба времени превращаетесь в его активного повелителя.

– Видать, образование у вас большое, – с уважением кон-

статировал Глебов-племянник.

– А нам мыло прислали, – сказала вдруг одна из сестер Крынкиных. – Мама наша померла, и аккурат посылка прибыла. С мылом. Мы хотели хоть обмылочек навсегда сохранить. Да затерялся он где-то. Как в новую избу перебирались, так и затерялось тоё мыло.

– Вот какие люди были, – несмело добавила вторая сестра. – Война ведь, и голод, и смертушка. А они за всех думали. За всех болели. За все времена и за всех детишек, как вот правильно товарищ говорит.

Повисла пауза.

– Так как относительно преодоления времени, товарищ профессор и доктор наук? – усмехнулся Константин.

– Да, – вздохнул профессор. – Велика ты, Россия, и не объять тебя никаким самым современным умом. Нет ли у вас папиросы, товарищ капитан?

– У меня сигареты.

– Безразлично. Я неделю назад курить бросил.

– Так, может, не давать?

– Все равно закурю, – еще раз вздохнул профессор. – Не сейчас, так к вечеру. Когда, понимаете ли, сотрясение воздушных, а тут – посылка с мылом, так не то что закуришь, а и за рюмочкой потянешься.

– Это точно! – засмеялся Лавкин. – Это ты правильно выразил, товарищ профессор.

Распахнулась дверь, и вошел красивый грузин в форме

летчика «Аэрофлота».

– Здравствуйте. Кажется, я не ошибся?

– Здравствуйте, Тенгиз, – сказала Анна. – Знакомьтесь, друзья. Это Тенгиз Кодеридзе.

Следом за летчиком шофер такси уже вносил большие корзины с гвоздиками.

* * *

Колхозный сарай. Самогонка уже разлита по кружкам, хлеб и селедка поделены. Именинник Святкин уселся на почетное место. Глебов разжигал костер у входа в сарай.

– Там девочки прогуливаются, – сообщил Сайко входя. – Может, пригласим их, товарищ лейтенант?

– Какие еще девочки? – нахмурился Суслин.

– Санитарочки.

– Ну не знаю, – неуверенно протянул Игорь. – Ну попробуйте.

– Хабанерочка, изобрази, – сказал Сайко.

– Есть изобразить. – Хабанеев вскочил. – Абрек, помоги.

– Потому что грузин, да? – вдруг обиделся Кодеридзе. – Раз грузин, значит, девочки, да? Обидно, понимаешь.

– Да у тебя – усы! – загорячился Хабанеев. – Усы, понимаешь? Ты же мужчина, сразу видно.

– Это совсем другой разговор, друг. Это правильный разговор.

Хабанеев и Кодеридзе вышли из сарая.

Две девушки в военной форме прогуливались в длинных мартовских сумерках по окраине Ильинки.

– И зачем ты меня сюда затащила? – ворчала одна из них, но ворчала вполне добродушно.

– Там все время молоток стучит, – вздохнула вторая. – Стук, стук – гроб, гроб. Круглые сутки.

Из сумерек возникли фигуры Кодеридзе и Хабанеева. Девушки остановились, и первая сказала с досадой:

– Здравствуйте вам.

– Здравствуйте! – обрадованно воскликнул Хабанеев. – А мы – за вами.

– Куда это – за нами? – насторожилась вторая.

– Девушки. – Кодеридзе для вящей убедительности снял шапку и прижал ее к груди. – Дорогие девушки, нашему другу двадцать лет исполнилось сегодня. Ай, какой друг! Замечательный друг, девушки. Сделайте ему маленький подарок. Пожалуйста. Очень прошу.

– Очень, очень просим, – подтвердил Хабанеев и тоже снял шапку.

– Это в каком же смысле подарок? – сердито спросила первая.

– Девушки, только не уходите. Умоляю! – проникновенно зашептал Абрек. – Нам в бой скоро, а вы – такой подарок! Самый лучший подарок на день рождения!

– Рискнем? – спросила вторая. – Он же сейчас расплачет-

ся, ей-богу!

– За мной! – радостно закричал Хабанеев. – За мной, девочки!

И девушки пошли за ним. А Кодеридзе сказал обиженно:

– Мужчина не плачет. Мужчина огорчается.

– Именинник просит к столу, – провозгласил Мятников.

Все стали рассаживаться, и тут скрипнула дверь. В сарай вошли обе девушки в сопровождении Хабанеева и Кодеридзе.

– Здравствуйте, – сказала первая. – С именинником вас.

Взвод радостно зашумел:

– Здравствуйте, девочки!

– Проходите, проходите!..

– К нам, девушки!..

– Нет, к имениннику!..

Девушки шагнули в освещенный костром круг.

И младший лейтенант Суслин вскочил, опрокинув кружку. Он узнавал и не узнавал. Он верил и боялся верить. И смотрел во все глаза... на девушек, стоявших в отблесках костра.

– Кимка... – прошептал он. И крикнул: – Кимка, это ты?..

Стол в большой комнате был накрыт. Анна, сидевшая рядом с Константином, встала и, обождав, когда утихнет гул голосов, заговорила, очень волнуясь:

– Товарищи! Дорогие мои друзья. Сыны, дочери, родные наших дорогих. Ровно тридцать лет назад – ровно, день в

день – здесь, в Ильинке, праздновали двадцатилетие одного человека. Сегодня ему было бы пятьдесят. Но он не дожил. Он погиб как герой. Погиб на следующий день.

У Анны перехватило дыхание. Все поднялись. Справившись с волнением, Анна продолжала:

– Но мы не будем сегодня горевать. Мы будем радоваться, что такой человек жил и прекрасно отдал свою жизнь. Мы будем пить за это. И за его сына, который сейчас здесь, вместе с нами. За капитана Константина Викторовича Святкина.

Константин задрожавшей рукой поставил рюмку на стол, молча обвел всех взглядом и вышел из комнаты.

Он стоял, прислонившись спиной к бревенчатой стене дома. На крыльцо вышла Анна.

– Вам нехорошо, Костя?

– Мне хорошо, Аня. Так хорошо мне не было никогда в жизни. – Он помолчал. – У нас в детдоме день рождения праздновался один раз в году. Коллективно. Для всего детского дома. Я говорил вам, что плохо помню маму. Отца же я не знал совсем... И вот сегодня вы вернули его мне. Конкретного. Реального отца. Со своей жизнью. Со своим днем рождения. И со своей смертью...

Он замолчал. И Анна молчала тоже. Просто молчали и смотрели в густеющий мартовский сумрак.

И в этом сумраке мимо их дома вдруг неторопливо прошли двое очень молодых людей. Девушка и юноша в военной форме последнего года войны.

Игорь и Кима шли по вечерней улице Ильинки.

– Я искал тебя, Кимка.

– Не надо выдумывать, Игорь.

– Я хотел написать тебе, но не знал куда. Как ты оказалась на фронте?

– Так же, как ты.

– Но я мужчина.

– А я – женщина. Кому-то надо вас перевязывать и стирать ваши гимнастерки.

– Кимка, если бы ты знала, как я счастлив, что встретил тебя.

– Не надо, Игорь. Счастлив будет тот, кто переживет эту войну...

Кима Вилленстович и Игорь Суслин шли по улице деревни Ильинка. Артиллерия смолкла, было тихо. Только поскрипывал снег под ногами, да где-то с унылой ритмичностью стучал молоток.

– Кимка!

– Что?

– Ничего. Просто мне приятно повторять твое имя.

– Не надо выдумывать, Игорь.

– Я не выдумываю.

Кима остановилась. Посмотрела на Суслина, точно прикидывала, говорить или не говорить.

– Месяц назад погиб Боря Яценко.

– Борька?!

– Сгорел в танке. Мне написала Катя.

– Борька сгорел... Первый из нашего класса.

– Третий, Игорек, – мягко поправила Кима. – Гриша Рубин и Володя Самохвалов погибли раньше. Боря – третий. Кто следующий?

– Я не знал, что они погибли, Кимка. Я потерял все адреса еще в училище и ни с кем не переписывался.

– Скоро мы останемся одни, – вздохнула Кима. – Одни девчонки. Мальчики, мальчики, что вы делаете с нами?

– Всех не убьют.

– Да, всех не убьют, – она помолчала. – Ты правда рад, что встретил меня?

– И ты еще спрашиваешь! Знаешь, сколько раз я признавался себе, что...

– Не надо. – Кима закрыла ему рот рукой. – Ничего не надо говорить. Говорить будем после войны, а сейчас... – Она зябко повела плечами. – Холодно. Зайдем ко мне, если хочешь.

Они стояли возле здания бывшей школы. Сквозь щели маскировки из окон пробивались узкие полоски света. И по-прежнему уныло стучал молоток.

– И чего он все время стучит?

– Это не для нас. – Кима вздохнула. – Здесь наш госпиталь. Надо девочкам сказать, что я пришла.

– Я подожду.

– Нет, пойдём вместе. Только тихонько, раненые спят.

Они вошли в тускло освещенный школьный коридор, забитый ранеными.

– Жди здесь, – шепнула Кима.

И сразу же ушла. А Игорь остался ждать.

– Суслин?.. – удивленно спросил кто-то совсем рядом. –

Игорь, это ты или мне кажется?

– Это я. – Игорь недоуменно оглядывался.

– Да здесь я, балда! Шагни влево и нагнись.

Игорь шагнул влево и присел:

– Кто здесь?.. Пригуда? Сеня Пригуда?!

– Здорово! – с соломы поднялась массивная фигура с перематываемой головой. – Вот так встреча! Откуда и куда?

– На фронт. С маршевой ротой. Ты ранен?

– Пустяки: голову царапнуло, – не без гордости сказал Пригуда. – Можешь поздравить, я уже лейтенант. К ордену представлен. И медаль уже отхватил! – Он откинул шинель, тускло сверкнув медалью «За отвагу». – А ты, значит, в тылах ошивался?

– Ну, знаешь, в армии не выбирают.

– Игорь! – шепотом окликнула Кима из глубины коридора.

– Меня зовут, – сказал Суслин. – Ну, поправляйся, Сеня. Может, еще увидимся.

Пригуда недобро засмеялся и заговорил громко, в полный голос, чтобы слышали окружающие:

– Санитарочку подцепил? Ай да тыловики: орденов нет, так все девки наши! Ну, правильно, Суслик, не теряйся! Особо пока мы в госпиталях...

Его громкий смех звучал вслед шедшему к чердачной лестнице Суслину. И он виновато пригнул голову.

– Что это он, Игорек? – спросила Кима.

– Товарищ по училищу, – вздохнул Игорь. – Уже лейтенант и уже – с медалью. А я – тыловая крыса, ловкач...

– Вот дурачок-то, господи, – сказала Кима, открывая люк. – Влезай за мной. На чердак.

На чердаке было темно, и Игорь остановился возле люка, не зная, куда подевалась Кима и куда ему идти.

– Ну где ты там? – шепотом спросила Кима. – Закрой люк и иди сюда. Только люком не стукни.

Игорь осторожно опустил крышку люка, отчего стало уж совсем темно. Опустившись на четвереньки, он пополз куда-то в кромешной мгле, пока не треснулся лбом о балку.

– Это ты ударился? – поинтересовалась Кима с другого конца чердака.

– Я.

– Где же ты?

– Не знаю.

– А что ты там делаешь?

– Чешу голову.

– Фонарь у тебя есть?

– Теперь есть. На лбу.

И они оба весело рассмеялись.

– Похоже, мы обречены ползать по чердаку, пока не расцветет, – сквозь смех сказал Игорь.

– Я не ползаю, – ответила Кима. – Я сижу на своей постели.

– А где это?

– Тут.

– А где это – тут?

И они снова засмеялись.

– Если я расскажу девочкам, они ни за что не поверят, – весело сказала Кима. – Они скажут, что я вычитала это у Марка Твена.

– У Твена, по-моему, этого нет.

– А ты читал «Простаки за границей»?

– Не читал, – признался Игорь. – Я опять поползу, ладно? До следующего фонаря: два фонаря – пара. А ты смейся, Кимка. Смейся. Я буду ползти на твой смех, как на маяк.

Кима тихо смеялась. Игорь преодолел наконец-таки темное пространство, и их руки встретились. И возникло молчание. Потом Кима очень серьезно спросила:

– Ты с кем на выпускном вечере целовался?

– Я?! – с возмущением переспросил Игорь. – Я вообще никогда ни с кем не целовался.

– А Катька написала, что ты с ней целовался в раздевалке.

– Как ей не стыдно! – возмутился Игорь. – Если хочешь знать, единственный человек, которого я хотел поцеловать...

Он замолчал.

– Вспоминаешь, как его звали?

– Вспоминаю, что у этого человека была ангина, и на вечер он прийти не мог.

– Я знала, что Катька – врушка, – помолчав, сказала Кима. – А почему же ты не поцеловал меня, когда мы в походе ушли за хворостом?

– Я мечтал об этом, Кимка, но... Мне казалось, что ты сердиться на меня.

– Сержусь? Да за что же, господи? – Она вздохнула. – Ничего-то вы, мальчишки, не понимаете. Разве я могла на тебя сердиться? Любая девчонка поняла бы, что не могла. Даже страшная дура поняла бы, а ты...

– Ты сердилась на меня, – упрямо повторил Игорь. – Мне очень стыдно, Кима, честное слово, стыдно. И всегда было стыдно. Мне и сейчас стыдно, но тогда я поспорил с Борькой Яценко...

– Он погиб, Игорь.

– Да, он погиб. А я всегда думал, что ты была в него влюблена.

– Вот глупости-то. Какие же вы, мальчишки, дураки! Так о чем вы поспорили?

– Ну, мы поспорили, – Игорь с трудом начал исповедь. – Ну, что... что я дотронулся до тебя. Ты стояла у доски, а я подошел и положил тебе руку на плечо. Вот... А потом взял и провел рукой... Ну там, где нельзя.

– А где нельзя?

– Ну там. Ну сама знаешь...

– Знаю? – Кима тихо засмеялась. В темноте послышалось какое-то шуршание, что-то негромко щелкнуло. – Да-да, это ужасно! Ты нарушил табу...

– Вот, – тяжело вздохнул Игорь. – А ты на меня так тогда посмотрела, будто я тебя ударил. И мне стало стыдно. И стыдно до сих пор.

– Иди сюда, – шепнула она. – Ближе. Еще. Тут места хватит. Дай руку. Значит, тут нельзя? Тут, да? Тут?..

Она была совсем рядом. И рука Игоря ощутила теплую и упругую девичью грудь.

– Молчи, – бессвязно шептала она. – Можно, понимаешь. Можно, потому что вас убивают... а мы остаемся. Можно, потому что я люблю тебя. Можно, дурак ты несчастный, и я дура несчастная, и пусть хоть наши дети будут счастливее нас...

Тенгиз охапками доставал гвоздики из корзины, а Юнеса, Валентина Ивановна и сестры Крынкины складывали из них букеты.

– Подумать только, гвоздики – в марте, – сказал профессор Сайко. – За парочку этих корзин можно, я полагаю, и «Волгу» купить?

– Можно, – спокойно согласился Тенгиз. – Можно купить «Волгу». А можно положить на могилу отца.

– Вопросы будут, профессор? – ехидно поинтересовался Лавкин.

– Извините меня, Тенгиз, – виновато произнес Сайко. – Я имею глупую привычку неудачно острить.

– Я тоже люблю шутки, – сказал Тенгиз. – Только сегодня не время для шуток. И не место. Так мне кажется. Извините.

Анна и Константин сидели в узкой светелке и молчали, то ли прислушиваясь к разговорам в соседней комнате, то ли думая о своем. Потом Анна спросила:

– Сколько же ему лет?

– Кому?

– Илье Ивановичу, – пояснила Анна. – Отцу вашей жены.

Вы что, забыли? Вы же только что говорили о нем.

– Да, да. – Константин вздохнул. – Позвольте, сколько же ему?.. Да, пожалуй, лет шестьдесят – шестьдесят пять. Признаться, я точно не знаю.

– Значит, его день рождения в вашей семье не отмечают, – невесело усмехнулась Анна. – Неужели так ни разу и не отмечали?

– Да как-то не получалось, – виновато сказал Константин. – Знаете, как в части? То учения, то стрельба, то еще что-нибудь.

– Еще «что-нибудь» – самый точный ответ. Я не права?

Константин подавленно молчал. Из соседней комнаты донесся голос Лавкина:

– А что у тебя в третьей корзине, Тенгиз?

– Цоликаури, Ляня, – ответил голос Тенгиза. – Ровно восемнадцать бутылок цоликаури. Мы будем пить его вечером, вспоминать наших отцов и говорить хорошие тосты.

– Это правильно, Тенгиз, – помолчав, сказал Лавкин. – Ты очень хорошо сказал, летчик.

В доме Валентины Ивановны спали гости. На полу, на лавках, по двое на кроватях.

Начало светать, когда Анна проснулась. А может быть, она и не спала, а просто тихо лежала рядом с мирно посапывающей Валентиной Ивановной. Но посмотрела на светлеющее окно и осторожно выбралась из постели. Подошла к окну, отдернула занавески. Спокойно было за окном. Быстро светало.

Валентина Ивановна шевельнулась, посмотрела на стоявшую у окна Анну. Подошла, стала за спиной.

– Морозно, – тихо сказала она.

– Как тогда, – эхом отозвалась Анна. – Мне мама рассказывала. Сейчас кончится их счастье...

Резко откинулся чердачный люк. Выснулась девичья голова:

– Буди своего лейтенанта, Кима. Тяжелого полковника привезли. Он срочно требует кого-нибудь из офицеров. Буди лейтенанта, Кимка!..

В операционной лежал умирающий полковник. Худое ма-

тово-бледное лицо его уже было неподвижным, как у мертвеца.

Рядом хлопотали двое немолодых врачей в белых халатах. Мужчина и женщина. А за окном стучал молоток.

Молоденькая медсестра ввела Игоря, на ходу застегивающего портупею. Молча кивнула на полковника. Игорь подошел, склонился над ним:

– Товарищ полковник, младший лейтенант Суслин. По вашему приказанию.

– Оставьте нас с офицером, – с усилием проговорил полковник. – Скорей. У меня мало времени...

Врачи и сестричка вышли, плотно притворив за собою дверь.

– Немцы вырвались из окружения, – с трудом шептал полковник. – Механизированная группа. Танки и бронетранспортеры.

– Понял, товарищ полковник.

– Обожди. Не перебивай. Идут на Ильинку. Здесь полно раненых. Я доложил о прорыве. Помощь будет. Но ты должен задержать немцев. Должен. Сколько у тебя бойцов?

– Взвод истребителей танков.

– В Ильинку ведут две дороги. Постарайся перекрыть обе. И продержись. Продержись, лейтенант.

– Продержусь! Разрешите выполнять?

– Никому ни слова. Помочь тебе не смогут. Только возникнет паника. А помощь придет. Слово даю... Продержись.

– Понял.

– Продержись, сынок, – умоляюще шептал полковник, и по худому мертвенному лицу текли слезы. – Здесь раненые, женщины. Немцы всех передавят. Помни об этом, сынок. И все – бегом, бегом. Встреть немца подальше от деревни. Оседлай дороги. По целине они не пройдут. Снегу много... Ну, ступай. Ступай, сынок, ступай...

Игорь вдруг наклонился, прижался губами ко лбу умирающего и сразу же вышел из палаты.

В коридоре толпились встревоженные врачи и сестры. Двое тотчас же прошли в палату, следом шмыгнула сестричка. Игорь подошел к Киме.

– Ну, пока, – бодро сказал он. – Тороплюсь.

– Что сказал полковник? – тихо спросила Кима.

– Чтобы я тебя поцеловал! – громко выпалил Игорь.

Он и вправду поцеловал ее. В губы. При всех. Выхватил из ее рук свой полушубок и бросился к дверям.

Кима догнала его, когда он уже спрыгнул с крыльца. Догнала, обняла, прижалась.

– Я вернусь!.. – Игорь вырвался, побежал.

А Кима осталась. Смотрела сквозь слезы ему вслед, повторяя одно и то же:

– Только уцелей. Только уцелей!.. Прощу тебя, родной мой, только уцелей!..

Ранним утром приехавшие собрались возле дома Вален-

тины Ивановны. Женщины несли цветы. Много цветов.

«Волга» подкатила к крыльцу. Со столичным номером. За рулем сидел мужчина с актерским лицом. Рядом – женщина в дорогой шубке явно неотечественного пошива.

– Как проехать к памятнику? – опустив стекло, спросил мужчина, ни к кому, впрочем, не обращаясь.

– Вы, вероятно, Мятников? – улыбнулась Анна. – Так вылезайте, мы как раз идем туда.

– У моего мужа через три дня концерт в «Ла Скала», – объявила женщина в шубке. – Надо же понимать...

– Я спрашиваю, можно ли проехать к памятнику на машине? – резко повторил мужчина. – Дорога приличная?

– Дорога расчищена тридцать лет назад, – еле сдерживаясь, сказал профессор. – Ради вас, Мятников, заметьте.

– Скатертью дорога! – выпалил Леня Лавкин.

Рывком взяв с места, машина укатила.

– Неужели сам Мятников? – с радостным удивлением сказала Юнесса. – Тот самый? Знаменитый? Народный артист?

– Пошли, друзья, – скрыв вздох, сказала Анна.

* * *

– В ружье!.. – задыхаясь, прокричал Суслин, с грохотом распахнув дверь в сарай. – Выходи строиться!..

Разобрав оружие, солдаты выбегали на улицу. И опять Сайко с Хабаневым не поделили было бронебойку, и опять

Лавкин тащил пэтээр в одиночестве, а Святкин, позевывая, лениво трусил сзади.

Взвод строился у входа в сарай. Игорь поманил Гарбузенко, отвел в сторону. Открыл планшетку с картой, сказал негромко:

– Танки и бронетранспортеры немцев вырвались из окружения. Наша задача – держать обе дороги. Часа три. Сколько продержимся, пока не придет помощь. Так приказал полковник.

– С марша бой не выдержим, – вздохнул старший сержант. – Надо бы заранее позицию подыскать, укрепиться.

– Станете на этой высотке, – Суслин ткнул в карту. – Тут болота кругом, не обойдут. А я их в низинке возле речки задержу. Может быть, мост удастся взорвать.

– Лады, – опять вздохнул Гарбузенко. – Ну, прощай, лейтенант.

– Вы эту мистику оставьте, – нахмурился Суслин. – Бой как бой. И чтоб без паники! Кто первым встретит противника, вышлет связного. Пока не придет связной, позиции не оставлять.

– Лады, – еще раз грустно подтвердил Гарбузенко...

Молчаливая процессия из родственников и присоединившихся к ним жителей Ильинки, среди которых выделялся шофер Сергей с большим самодельным еловым венком, медленно шла по дороге.

Шедшая впереди Анна внезапно свернула с дороги, подошла к приметной березе и остановилась. Остальные следовали за ней.

– Здесь, на этом месте, погиб связной, которого младший лейтенант Суслин послал за помощью.

Мужчины сняли шапки. Анна в упор смотрела на красивого грузина в форме летчика гражданской авиации, и губы у нее дрожали.

– Связным был рядовой Реваз Кодеридзе, – наконец сказала она.

Мужчины сняли шапки, и все сейчас смотрели на Тенгиза. Он молча подошел к Анне, взял из ее букета три гвоздики, шагнул в снег и, опустившись на одно колено, снял фуражку, что-то тихо сказал по-грузински и бережно положил на снег цветы...

Суслин и Гарбузенко направлялись к взводному строю, когда из-за сарая вышла девочка, закутанная в большой женский платок.

– Здравствуйте, – улыбнулась она. – Я Валя. Не узнаете?

– А куда ты собралась? – растерялся Суслин.

– Так мне же в Некрасовку надо, к бабушке, – терпеливо объяснила непонимавшему взрослому девочка. – Я же вчера говорила.

– По дороге движение запрещено, – строго сказал Суслин.

– Я лесом хожу. Лесом ближе, и мы всегда так ходим.

– Так это же Валюха! – крикнул из строя Святкин. – Свой человек!

– Ну, иди, – сдался Суслин. – Только быстро и только лесом.

– До свидания! – крикнула девочка.

Когда она пробегала мимо строя, ее остановил Святкин.

– погоди, Валюха. Письмо жене отправить не успел. Будь другом, опусти в ящик.

Девочка аккуратно спрятала солдатский треугольничек за пазуху и убежала. А Суслин и Гарбузенко подошли к строю.

– Третье и четвертое отделения, два шага вперед – марш! – скомандовал младший лейтенант.

Солдаты перестроились.

– Старший сержант Гарбузенко, командуйте вторым полувзводом.

– Взять половину боеприпасов, бегом за мной! – прокричал Гарбузенко. – Быстреей, хлопцы!..

– Сержант Мятников и рядовой Крынкин – в головной дозор. Маршрут следования: Ильинка – мост через реку Хрипань – высотка на той стороне. Бегом!

Мятников и Крынкин побежали к мосту. Оставшиеся молча наблюдали за ними.

– Взять боеприпасы! – Суслин невольно проводил их глазами, но тут же продолжил приказ: – Первое и второе отделения – к мосту, за мной, бегом – марш!..

И первым побежал по дороге вслед за уже далеко убежав-

шими вперед Мятниковым и Крынкиным.

Полувзвод бежал по дороге за своим командиром, позвякивая оружием.

– Не иначе наш Суслик опять марш-бросок затеял, – ворчал на бегу Святкин. – Ночь прокантовался, юбку какой-то девахе завернул и решил смыться, пока мама не проснулась.

– Черт его знает, – с сомнением отозвался бежавший рядом Сайко. – Может, и правда фрицы прорвались? Чего на войне не бывает.

– Чтобы наши фрицев из колечка выпустили? – усмехнулся Святкин. – Да ни в жисть, Ваня, не те времена!

Полувзвод почти добежал до речки, а Мятников и Крынкин уже перешли ее по мосту и теперь поднимались на противоположный берег.

– Занять оборону у моста! – задыхаясь от бега, прокричал Суслин.

– Бронебойщикам – по обочинам! Пулеметчикам – на флангах! Первое отделение – слева от дороги, второе – справа! Быстро!

Отделения рассыпались, на бегу занимая оборону...

Может быть, как раз на месте этой обороны и стоял памятник. А возле него – два автобуса, из которых выходили дети и взрослые, да «Волга» народного артиста, из которой пока еще никто не появлялся. В машине жена в шубке заботливо кутала певца.

– Шарф – на два оборота вокруг горла, – говорила она. – И не смей расстегиваться.

– Пока еще рано, – сказал он. – Еще митинг не начался. Начнется – вылезем, а пока здесь посидим. Снег-то какой, посмотри...

Взлетали в воздух снег, комья мерзлой земли. Отделения закапывались в землю, пока было тихо.

– Успеть бы поглубже зарыться, – озабоченно говорил Суслин. – Здесь они обойти нас не могут, правда?

– Не должны, – согласился Сайко. – Лед подтаял, не выдержит, а снега глубокие. Хорошо бы мостик рвануть, лейтенант.

– А чем? – спросил Игорь. – Надо было в Ильинке толу спросить, а я не подумал. Может, гранатами?

– Нет, гранатами его не возьмешь, только себя обнаружишь понапрасну. – Сайко еще раз глянул на мост, прикинул. – Я, пожалуй, этот мостик Витьке Свату поручу. Не возражаешь, лейтенант?

– Ну, поручите.

– Святкин! – крикнул Сайко. – К командиру!

Подбежал разгоряченный работой Святкин. Без шинели, с распахнутым воротом гимнастерки.

– Только честно: играем или взаправду фрицев ждем?

– Играем, – вздохнул взводный. – Аты-баты, шли солдаты.

– Понятно... – протянул Святкин.

– Витя, мостик тебе поручается, – сказал Сайко. – Взорвать его не удастся, постарайся пробочку организовать.

– Это мысль, Ваня.

– На мотоциклистов силы не трать: мы их на пулеметик наколем. Сиди себе тихонько и жди. Либо танк, либо транспортер.

– Либо велосипед, – серьезно кивнул Святкин и встал. – Пойду местечко подберу. Не пальните в меня с перепугу.

– Обожди. – Сайко повернулся к Игорю: – Я правильно передал ваш приказ, товарищ младший лейтенант?

– Приказ? – Суслин помолчал, соображая. – Да, спасибо. Только оденьтесь, Святкин. А то простудитесь.

– Это верно, – серьезно подтвердил ефрейтор. – Насморк можно схватить.

И побежал к мосту.

– Спасибо, – смущенно улыбнулся Игорь. – Это, знаете, как-то по-настоящему. По дружбе.

– Дело не в дружбе, лейтенант. Дело в службе, – сказал Сайко. – Давайте пока отделения проверим. Как они там устроились, куда стрелять собираются.

– Да, да, – поддакнул Суслин. – Уточним ориентиры, сектора обстрелов...

Но тут из-за леса, с той стороны, донеслись пулеметные очереди. Громыкнул дальний взрыв.

– Вот вам и здрасте, – сказал Сайко. – Похоже, идут, лейтенант.

– По местам!.. – протяжно прокричал Суслин. – Всем укрыться! Без команды не стрелять!..

И побежал, проваливаясь в подтаявший снег.

Игорь еще не успел добраться до своего места, как на противоположной стороне реки показался Мятников. Промчался по мосту, грохоча сапогами, упал рядом с командиром взвода.

– Моторазведка. Ванька, дурень, сунулся, и сразу – поперек груди. Я гранатой рванул – назад поскакали.

– А Крынкин? – тихо спросил Игорь.

– Наповал: четыре дырки в груди. – Мятников горстями хватал снег с бруствера, запихивал в рот, никак не мог отдышаться. – А они вот-вот пожалуют: моторы слышать. Тут низинка, а там, на горе, грохочут, что твоя дивизия...

На этих словах зазвучал духовой оркестр: он играл знаменитую песню Великой Отечественной: «Вставай, страна огромная».

Люди – и приехавшие на машинах, и подошедшие из Ильинки – стояли перед усыпанным цветами обелиском. Стояли молча, как на молитве, и мужчины сняли шапки. Только, крепко обнявшись, тихо плакали сестры Крынкины...

Уплыли в будущее звуки оркестра. К Суслину подбежал Кодеридзе:

– Вызывали, товарищ младший лейтенант?

– Вот верхняя дорога, – показал по карте Игорь. – Здесь, на высотке, – Гарбузенко с полувзводом. Бегом к нему, Кодеридзе. Скажете, что немцы идут сюда. Маршрут запомнили?

– Запомнил. Разрешите идти?

– Бегом, Абрек, бегом! И они пусть тоже бегом! Тоже!..

Кодеридзе убежал. Притихшие, посерьезневшие солдаты смотрели на противоположный берег, туда, где дорога скрывалась в лесу. Там было пусто и тихо.

И вдруг рывкнул далекий выстрел. Снаряд прочертил небо и разорвался где-то за их спинами, возле опушки.

– Бегом, Абрек, бегом, – не сводя глаз с дороги, машинально шептал Игорь.

Но Абрек уже никуда не бежал. Не успев добраться до кустов, он лежал на снегу, раскинув руки, смятый страшным ударом разорвавшегося поблизости танкового снаряда...

Оркестр у памятника брал последние такты, когда Тенгиз вздрогнул, точно почувствовав или увидев нечто. И бережно достал из кармана орден Отечественной войны. И, глядя на него, все достали привезенные с собой отцовские ордена и держали их перед собой, как иконки. Все, кроме Анны. У нее не было ордена.

Смолк оркестр. И в наступившей тишине вдруг возникли грохот и лязг идущего танка...

Широкий приземистый танк, покачиваясь на ухабах, с нарастающим грохотом катился к мосту.

– «Тигр»... – испуганно прошептал Суслин. – Бронебойки не возьмут. Что делать?.. Что же делать?..

Солдаты терпеливо лежали в наспех открытых укрытиях, ожидая команды. «Тигр» неудержимо катился на них...

Он лишь на мгновение, точно присматриваясь, притормозил перед мостом, а затем медленно двинулся вперед. Бревчатый настил содрогнулся под его тяжестью, но выдержал.

Танк дополз до середины моста, когда позади него из-под моста появился Святкин. Широко размахнувшись, метнул противотанковую гранату и упал вниз, под прикрытие мостовых устоев.

Рванул взрыв. В воздух полетели доски, обломки бревен. «Тигр» с ходу развернуло на разорванной гусенице, он загордил пролет моста.

– Ура! – не выдержав, восторженно заорал взвод. – Ура Святкину!

Танковая башня поползла вправо, ощупывая пространство впереди. Пулеметная очередь распорола снег.

– Бей по щелям! – кричал Сайко. – Бей по триплексам! Не давай ему глядеть!..

Взвод открыл беспорядочную стрельбу. Пули с визгом рикошетили от брони, а танк, медленно поводя башней, прошивал снег длинными очередями.

С опушки леса тоже ударили пулеметы. Первые мины с выматывающим душу визгом взлетели в воздух. Они звонко рвались на поле, пятная снег черными розетками разрывов.

– Сейчас пойдут! – крикнул Мятников. – «Тигру» гляделки заткните, ребята!..

Из-под моста, с кормы танка, снова показался Святкин.

– Убьют!.. – что есть силы закричал Суслин, как будто ефрейтор мог его услышать. – Убьют, Святкин, назад!..

Широко размахнувшись, Святкин швырнул гранату и полетел вниз, под мост. Громыкнул взрыв, и танковая башня замерла. Пулемет еще бил, но теперь в одну точку: осколки гранаты намертво заклинили погон.

– Хабанера, тащи патроны! – Сайко схватил противотанковое ружье, вскочил на снежный бруствер окопа.

– Куда? – не понял Хабанеев.

– Не дрейфь, Хабанерочка! Раньше смерти не убьют! А сдрейфишь, застрелю!..

Пригибаясь, Сайко бросился к застрявшему на мосту «тигру». Хабанеев бежал следом, волоча цинк с патронами. Они нырнули под танк, Сайко выставил ружье между катков.

– Видал, брат, какая позиция мировая! Экстра-люкс! Автомат взял?

– Ну, взял, ну?

– Левее тебя в днище – люк. Поглядывай, чтобы танкисты его не открыли. А то шарахнут нам по задницам!..

Из лесу показались танки, стреляя с ходу. От грохота

взрывов и рева моторов дрожала земля: под прикрытием танков шли транспортеры и мотоциклы. Ливень огня обрушился на взвод.

Закричали первые раненые. Растерявшийся Лавкин вскочил и тут же упал, прошитый очередью.

В голос рыдал сантехник Леня Лавкин, уткнувшись в плечо сурового Глебова. Глебов-племянник обнял его, прижал к себе.

Святкин скатился в окопчик командира взвода:

– Калуга мой накрылся! Ко мне, видать, перебежать хотел...

– «Пантеры»! – отчаянно крикнул Суслин. – Не видишь, что ли?!

– Танки жечь мы сами будем, – отрезал Святкин. – Твое дело – за флангами следить, понял? Видишь, автоматчики по целине обходят? Держи фланги, лейтенант, а я за ружьем смотаюсь. Бронебойка моя у Калуги осталась...

И выскочил из окопа.

Резко били противотанковые ружья. Один из немецких бронетранспортеров загорелся, автоматчики попрыгали в снег. Шедший следом танк столкнул горящий бронетранспортер с дороги. Гулко рванули бензобаки.

– Ай да мы, Хабанерочка, ай да мы с тобой!.. – Сайко подмигнул напряженно-серьезному Хабанееву.

– Недолго музыка играла, недолго фрайер танцевал. Па-

трон!..

– Танки! – крикнул Хабанеев, вгоняя патрон в казенник бронебойки. – Танки на нас, Ваня!..

– Они эту «тигру» в речку хотят столкнуть, им мост нужен. Слушай, Хабанера, у тебя патефон был когда-нибудь?

– Какой патефон? – не понял Хабанеев.

– У меня тоже не было. Жалко, правда? Держи ружье.

– Ты куда?

– Я с этой стервой «пантерой» поговорю. А то ведь раздавят нас с тобой под танком и фамилий не спросят...

Сайко сунул за пазуху ватника гранаты, выбрался из-под днища «тигра» и ловко пополз по кювету навстречу немцам.

Ловя на мушку бронетранспортер и перезаряжая после каждого выстрела, Хабанеев искоса поглядывал на ползущего вперед друга. И даже не обрадовался, когда поджег еще один бронетранспортер: не до этого ему сейчас было...

Сайко незамеченным подобрался к «пантере» на бросок. Привстав, швырнул гранату, но не упал, а вдруг согнулся, прижал руки к животу и, качаясь, пошел навстречу танку. На дороге грохнул взрыв. Сайко швырнуло в сторону, «пантера», заюзив и развернувшись, расстелила по дороге разорванную взрывом гусеницу.

– Ваня!.. – закричал Хабанеев. – Ай Ваня мой, Ваня!..

Плакал у обелиска профессор Сайко. Стекла очков его запотели, и он едва различал сквозь них расплывшиеся лица окружающих...

Повторялся и повторялся душераздирающий крик Хабанеева:

– Ваня!.. Ай Ваня!.. Ваня мой, Ваня!..

Хабанеев стрелял, крича и плача. Всхлипывая, размазывал по щекам слезы, которые мешали целиться. Сбитыми в кровь пальцами заталкивал очередной патрон в патронник и снова ловил цель.

Он стрелял так ожесточенно, что не слышал, как открылся люк в днище танка, не видел высунувшейся оттуда головы в черном шлеме и руки с парабеллумом. Он даже не расслышал тех выстрелов, которыми его расстреляли в спину...

Прижавшись к Анне, плакала Юнесса Хабанеева. Анна молча гладила ее по растрепавшимся на ветру волосам...

Немецкие автоматчики, не сумев переправиться по подтаявшему льду, откатывались к лесу. Из-за пробки на мосту танки остановились тоже, изредка постреливая. Бой затихал.

* * *

– И чего они, дурни, прямо в лоб перли? – Мятников аккуратно прислонил к стенке окопчика ручной пулемет и упал в снег рядом с командиром взвода. – Либо на силу надеялись, либо ноги поскорее уносят, либо совсем офонарели.

– Первую-то отбили! – восторженно кричал Суслин, не слушая сержанта. – Отбили ведь, мою самую первую отбили!..

– погоди радоваться, лейтенант, – рассудительно сказал Мятников. – Он сейчас, гад, минометы подтягивает...

Он вдруг вскочил, схватил ручной пулемет.

– Ты куда, сержант?

– Слева ребята без командира!..

Мятников выскочил из окопа и, пригнувшись, побежал к своему отделению.

И почти тотчас же ударили минометы. Немцы били по площадям, перепахивая минами почерневший от гари снег.

Мятников неожиданно вскинул руки и упал навзничь, так и не выпустив ручного пулемета...

Распахнув пальто, сняв шапку, сорвав мохеровый шарф, во весь голос пел народный артист Мятников. И сильный, всемирно известный баритон его разносился далеко вокруг.

Никогда в жизни Мятников не пел так, как у этого обелиска. Ни на концертах, ни на смотрах, ни на конкурсах. Ни на родине, ни за границей не пел он так, потому что сейчас он пел для своего отца...

И эта песня, посвященная памяти павших, песня о гремящем до наших дней эхе великой войны, звучала на протяжении всего последующего эпизода...

Обстрел прекратился внезапно. И почти тотчас же в окопчик младшего лейтенанта Суслина скатился ефрейтор Святкин. Осунувшийся, почерневший, неузнаваемый.

– Ты живой, – скорее констатировал, чем спрашивал, Суслин.

– За нами – Ильинка, – сказал Святкин, скручивая сигарку непослушными пальцами. – Там – раненые. И дети. И отступать нам некуда, младший лейтенант Игорек.

– Где Гарбузенко? – в отчаянии повторял Суслин. – Ну где же Гарбузенко?..

Святкин осторожно выглянул из окопа. Опустился на снег, прикурил.

– Что там? – спросил Суслин.

– Готовятся. – Святкин жадно курил. – Ты толково бой провел, лейтенант, очень толково. Восемнадцать хлопцев две немецкие танковые атаки отбили, надо же!..

Он еще раз осторожно выглянул.

Немецкие автоматчики, оттеснив от моста последние группы защитников, сделали главное – захватили мост и сбили огневой заслон. Теперь за их спинами танкисты лихорадочно ремонтировали разбитую гусеницу «тигра».

– Сейчас они своему «тигру» лапти накинут, и все наши смерти – коту под хвост. – Святкин жадно затянулся, бросил окурок и теперь заталкивал под ремень гранаты. – Прикрой меня огнем, Игорек.

– Бежать?.. – не сдерживая нервной дрожи, закричал Суслин.

лин. – Струсил, да? Струсил?..

– Дурак ты, лейтенант, – вздохнул Святкин. – Прикрой, говорю, огнем, а то же коту под хвост вся работа. Они сейчас в последнюю пойдут, и жить нам – сколько продержимся. Вот он, наш с тобой последний, решающий. Красиво же мы о нем пели...

– Тебя же убьют, Витька, – дрожа, сказал Суслин.

– Пали на полный диск, Игорек. – Святкин вдруг то ли пропел, то ли прокричал: – Я беспризорничком родился и беспризорничком помру!..

И выскочил из окопа.

Суслин бил короткими очередями, прикрывая подбирающегося к мосту ефрейтора. Он понял, что задумал Святкин, дрожь прошла, и Игорь стрелял расчетливо, прикрывая друга...

На выструганной добела столешнице стояло восемнадцать бутылок цоликаури. А за столом сидели девятнадцать человек, потому что восемнадцатым был народный артист Мятников, а девятнадцатой – Валентина Ивановна. И перед каждым стоял стакан с золотым вином. Но люди не пили, не плакали: они говорили. Тенгиз:

– Когда человек рождается, он обязательно плачет, а все вокруг улыбаются и говорят: «Здравствуй, дорогой!» Пусть же каждый проживет свою жизнь так, чтобы, когда придет его час, он один улыбался, а все бы кругом плакали и гово-

рили: «Прощай, дорогой!» Как сегодня мы говорим эти слова нашим отцам. За честную жизнь, за последнюю улыбку, за гордую улыбку человека!..

Кончились патроны в диске автомата. Игорь, торопясь, вставлял другой диск, а он не шел в пазы, его перекашивало...

Рев взревевшего танкового мотора возник неожиданно. Игорь выглянул.

Немцы закончили ремонт гусеницы. «Тигр» дернулся назад, разворачиваясь на узком мосту, как вдруг перед ним с грохотом разорвалась связка гранат, и гусеница вновь растелилась по мостовому настилу.

– Витька!.. – закричал Игорь.

У Святкина уже не было сил, а потому швырнул он эту связку прямо перед собой. И искромсанное осколками тело его лежало сейчас у сломанных перил...

И опять – струганый стол, восемнадцать бутылок и девятнадцать близких. Профессор Сайко:

– Древние говорили: «Мemento мори». Помни о смерти. То есть не бездельничай, успеешь сделать все, что в твоих силах, ибо величина скорби при расставании с тобой и есть истинная мера твоей жизни...

Наконец Игорь вставил заупрямившийся диск. По лицу

его текли слезы, но он не замечал их, потому что они были последними.

А немецкие автоматчики уже открыто и неторопливо шли по полю боя, в упор расстреливая раненых.

А на мосту опять ремонтировали гусеницу «тигра».

Но Игорь Суслин больше не смотрел на мост. Теперь он бил короткими очередями по автоматчикам, и после двух попаданий немцы наконец-то засекли его, упали в снег и открыли по Суслину огонь из всех автоматов.

А он и не думал больше об укрытии. Он стрелял и стрелял, пока страшный удар в голову не швырнул его на противоположную стенку окопа...

Анна читала стихи:

Отцов не убивают на войне
Ни пулей, ни осколком, ни снарядом.
За немоту любимые вдвойне,
Они шагают с нами рядом.
Отцов не убивают на войне...

Немецкие автоматчики продолжали ходить по полю. После того как навсегда замолчал автомат Суслина, слышались только их очереди. В тяжелораненых и даже в мертвых.

Окровавленный Глебов осторожно закапывался в снег. Автоматчики еще не дошли до него, хладнокровия у него хватало, правда, силы уже были на исходе. И поэтому он не торопился.

Только вдруг он увидел, что из недалеких кустов на него смотрит перепуганная девочка в большом платке и огромных валенках.

И немцы увидели девочку. Двое автоматчиков направились к ней, проваливаясь в подтаявшем снегу.

– Валя, беги!.. – что есть силы закричал Глебов. – Беги!.. – Из последних сил он встал на ноги.

– Здесь я, гады!.. Здесь!..

И выпустил в автоматчиков длинную очередь. Руки дрожали, по лицу текла кровь, и он вряд ли попал в кого-либо. Но немцы, забыв о девочке, бежали теперь к нему, ожесточенно стреляя на бегу. Они были точнее. Глебов выронил автомат, вскинул, падая, руки, но сквозь пот и кровь увидел...

...первые «тридцатьчетверки» на гребне возле Ильинки...

– Так погиб последний, – тихо говорила Валентина Ивановна. – А я тогда сознание потеряла. Очнулась в избе: наши солдаты принесли...

Она вздохнула, отерла слезы, подошла к угрюмо молчавшему племяннику Глебова.

– Дай, Паша, я тебя поцелую. Это ведь твой дядя спас меня тогда.

Павел Глебов вскочил, расцеловался с Валентиной Ивановной, снова сел. Суетливо зашарил по карманам, бормоча:

– Я закурю, закурю, а? Как, артист, на тебя не повлияет,

если подымлю тут, а?..

– Кури, Паша, – негромко сказал Мятников. – Если, конечно, хозяйюшка наша не против.

Валентина Ивановна молча покивала. И все закурили. Даже Мятников. И долго молчали.

– А письмо, что просили меня отправить, я так и не отправила, – тихо сказала Валентина Ивановна. – Сперва болела долго, потом вроде как поздно было. Виновата, конечно, очень я виновата.

Прошла к иконе Божьей Матери, что висела в красном углу, достала из-за нее пожелтевший солдатский треугольник.

– Варваре Святкиной, – прочитала она и протянула письмо капитану.

Константин развернул треугольник, а читать не мог: строчки прыгали перед глазами. Отдал Анне:

– Прочитай, Аня.

– «Здравствуй, Варюха моя...» – начала читать Анна.

– Это мама, – зачем-то пояснил Константин. – Мама моя.

– «Пишу тебе, потому что сегодня мне двадцатка стукнула. И такого дня у меня еще не было. Я ведь беспризорничком родился, какие там дни рождения. Шамовки перехватил, морду не набили – уже праздничек. А тут ребята – ну все, Варюха, весь наш боевой взвод – загоношились и гульнули. И так все хорошо было, Варя, весело, дружно. И все речи толкали.

Все больше о том, как после войны жить будем. И еще на-

счет детей, конечно, разговор был. Ты себя, Варюха, береги, слышишь? Ты же в мамы готовишься. Уж как-нибудь прохарчись маленько. Родишь сына – Костей назови. Мне это имя очень даже нравится. И смотри, Варюха, если не вернусь, расти так его, чтоб человек вышел, а не дешевка какая. Думаю о тебе, денечки наши считанные вспоминаю и целую, как умею. Твой Витька Святкин».

Все молчали. Константин вскочил неожиданно:

– Мне позвонить надо. Домой. Срочно.

– В конторе есть телефон, – сказала Анна. – Я провожу.

Извините, мы скоро вернемся.

Было уже довольно поздно, но старик Илья Иванович не спал. Он сидел на кухне и занимался привычным и любимым делом: доставал из коробки свои многочисленные солдатские медали, разглядывал каждую и тихо улыбался, вспоминая что-то, ведомое только ему.

Телефонный звонок раздался, как всегда, неожиданно, да и был неожиданным: громким и длительным. И Илья Иванович торопливо засеменял в большую комнату, где стоял телефон.

– Слушаю, – сказал он, сняв трубку.

Трубка молчала, и старик еще раз сказал: «Слушаю вас».

И тогда трубка ответила вдруг:

– Здравствуй, батя.

– Что?.. – недоверчиво переспросил Илья Иванович. – Что вы сказали? Что?..

– Здравствуй, батя, – уже громче и увереннее сказала трубка. – Это я, Константин. Ну как ты там?

Старик хотел ответить, но не мог. Губы задержались, голос больше не слушался его.

– Батя, ты меня слышишь? – уже с беспокойством спросил Константин. – Это я, батя.

– Костя?.. – сдавленно переспросил Илья Иванович. – Это ты, да? Ты это звонишь?

– Я, батя, я.

– А Люба спит. Разбудить?

– Ты мне сейчас нужен, а не Люба, – сказал Константин. – Свинья я у тебя, но ты уж прости меня. Прости, батя.

Илья Иванович молчал. По лицу его вдруг медленно потекли слезы, но он не замечал их и – улыбался.

– Батя, чего замолчал? – встревожился Константин. – Слышишь меня?

– Слышу.

– Скажи Любе, чтоб три билета на Москву заказывала. Три, понял?

Из спальни вышла заспанная Люба. Хотела что-то спросить, зевнула, привычно протянула руку за трубкой, но старик так сердито махнул рукой, что она остановилась в крайнем изумлении.

– Три билета на Москву! – прокричала трубка.

– Три билета, сынок, – громко повторил Илья Иванович. – Три, и все – на Москву!..

Была звездная ночь, и по дороге к памятнику шли Константин и Анна.

– А я никогда не получала писем от папы. Он не писал в ту ночь перед боем, он был с мамой. Это была единственная ночь в их жизни, и поэтому я – Анна Вилленстович, а не Анна Суслина. И ордена у нас нет. Он у бабушки хранится, у папиной мамы. А бабушка мою маму не признала и орден нам не отдала.

– Свинство это, – сказал Константин, больше думая о своем. – По себе знаю.

– В те годы редкая любовь приносила счастье, – тихо продолжала Анна, – но мама всю жизнь считала себя счастливейшей из женщин. Странно, правда?

– Странно, – вздохнул Константин. – А может быть, и нет. Нам трудно судить: у них были другие единицы измерения, и счастья и несчастья. Выше наших.

– Неизмеримо выше, – согласилась Анна.

Некоторое время они шли молча.

– Что-то случилось со мной за эти дни, – наконец сказал он. – Сам не понимаю что, но чувствую. Может быть, потом разберусь, потом пойму.

– Это естественно, Костя.

– Мне не в чем себя упрекнуть, не подумайте, Аня. Живу нормально, как все. Служу честно. Делаю, что положено. Но, может быть, в этом-то все и дело: только, что положено. Не меньше, но и не больше... – Он вдруг замолчал и остано-

вился. И Анна остановилась. Возле обелиска молча стояли люди.

Они узнали их, когда подошли ближе.

Юнессу Хабанееву и профессора Сайко, Леню Лавкина и народного артиста Мятникова, летчика гражданской авиации Тенгиза Кодеридзе и сестер Крынкиных, племянника Глебова и Валентину Ивановну. И молча встали рядом.

И тогда возник последний титр фильма. Нет, не «Конец», потому что не было конца в этой истории. Просто медленно всплыла надпись:

«СТОЯВШИМ НАСМЕРТЬ ВО ИМЯ ЖИЗНИ».

1974

Офицеры

1917 год

...Последние Святки царской России. Уже всем надоела бессмысленная и жестокая война, не прекращается поток беженцев с запада и юга, уже начались очереди, и многие недоедают, но никто пока не знает, что эти Святки – последние, что через два месяца отречется государь и Россия станет республикой. И, может быть, поэтому веселье сегодня такое по-русски бесшабашное и такое по-русски горькое. Даже отчаяние в России пока еще отчаянно веселое.

Ясный день, легкий морозец. Москва, Воробьевы горы. Где-то наверху полковой оркестр играет русские вальсы и марши, которые странно смешиваются с выкриками, шумом, смехом и всеобщим оживлением. На санках, на лыжах, а то и просто так, кувырком, или подстелив мешки, которые предлагают желающим бойкие московские мальчишки, катается праздничная толпа.

На реке расчищен снег: там режут лед коньками. Но удовольствие это более сдержанное: это – спорт, как его понимали тогда. И «спортсмены» в те времена были совсем не похожи на нынешних.

На горах куда демократичнее: здесь в основном молодежь.

Студенты и курсистки, гимназисты и гимназистки, реалисты (учащиеся реальных училищ) и озорные московские девушки. Заметны легко раненные или выздоравливающие офицеры – тоже молодые. С палочками, с повязками, кое-кто в сопровождении сестер милосердия, друзей, подруг или родителей. Война все-таки. Повсюду снуют разносчики, предлагая конфеты и баранки, сбитень и чай, пирожные и шоколад.

Солидная публика – отставные офицеры, чиновники и просто отцы, сопровождающие своих дочек (женихов-то нынче маловато, ай-ай), – держится в стороне, наблюдая за всеобщим весельем, но не участвуя в нем.

И совсем уж особняком расположились отставные полковники и генералы: это уже деды, а не отцы. И странно видеть в их обособленном кругу двух терских казаков: пожилого есаула и совсем еще юного казачка Ваню.

– Георгиевский кавалер, – с невероятной гордостью хвастается есаул. – Покажи господам офицерам боевую награду, Ваня.

Ваня расстегивает парадную бурку. Над сверкающими газырями – новенький Георгиевский крест. Отставники уважительно рассматривают его – уж они-то понимают в наградах! – а какой-то весьма древний генерал торжественно отдает честь. И Ваня очень смущается.

– Самый молодой кавалер, – важно продолжает есаул. – Потому и в Царское Село приказано было явиться в моем сопровождении. Государь лично «Георгия» вручил. Бело-

каменную посмотреть дозволили, Иверской Божьей Матери поклониться. Ну а завтра, конечное дело, обратно на фронт. В действующую армию.

Отставники прочувствованно жмут юному герою руку, говорят добрые слова и тактично – есаулу, а не казачонку – суют червонцы в широкую задубелую ладонь. Ваня безмерно счастлив и горд, но и смущен тоже безмерно: даже румянец выступил на еще не знакомых с бритвой щеках. Он что-то бормочет в ответ на поздравления и напутствия, улыбается... Только вдруг замирает его улыбка.

...Мимо них с ликующим смехом проносятся расписные санки, в которых сидит румяная, безмятежно счастливая гимназистка, и красный шарф развевается за ее спиной, как победный вымпел. Звали эту гимназистку тогда просто Любочкой.

Какое-то отчаянное счастье. И смех чересчур громок, и гимназисты с реалистами яростно, не на шутку (девушек не поделили, что ли?) сражаются в снежки, и студенты совсем некстати затеяли горячий спор. И даже полковой оркестр вдруг заиграл «Прощание славянки».

Большую группу молодых офицеров-фронтовиков, видимо, привезли сюда прямо из госпиталя, потому что сестры милосердия помогали раненым выбираться из только что подъехавшей вереницы саней. На костылях, с обожженными лицами, с черными повязками, прикрывающими навсегда утеранный глаз, с перебинтованными руками, головами,

ногами...

Всмотримся в них, пока еще звучит «Славянка»: они хлебнули лиха. Они уже все поняли в свои двадцать с небольшим, а если и не поняли, то научились верить в собственное предчувствие.

А вокруг – буйное молодое веселье. Под самый трагический в мире марш – под «Прощание славянки». Однако не все веселятся на Святках. Кое-кто и работает. Группа рабочих выламывает глыбы льда на Москве-реке. Из глыб выпиливают тяжелые бруссы, обматывают рогожей, перевязывают и грузят на грубые, совсем не для катания санки. И пареньки лет пятнадцати, изгибаясь до земли, волокут груженные льдом санки наверх, на Воробьевы горы, где ждут ломовые извозчики с тяжелыми грузовыми платформами, запряженными мохнатыми битюгами. Там и перегружают на платформы доставленный с ребячьим надсадным хрипом лед: лошадей по такой крутизне не погонишь, жалко лошадок.

Парнишек не жалко. И того, упрямого, с хмурым лицом, которого пока еще зовут Алешкой, тоже не жалко. Каждому – свое, даже на празднике жизни – на Святках.

И Алешка никогда не жаловался и не унывал. Отец у него еще осенью четырнадцатого без вести пропал, мать в эту зиму совсем расхворалась, и он подрабатывал, где только мог. Ну а Святки для рабочего человека, известно, самое удачливое время. Только не зевай.

Изгибаясь в три погибели, а кое-где становясь на четвереньки, Алешка с огромным трудом преодолел первый, самый крутой и до льда разьеженный подъем. Здесь была небольшая площадка, на которой можно было передохнуть, отдышаться, подкопить сил для последнего, самого длинного, но зато более пологого участка горы. И Алешка отдышал, шапкой вытирая взмокший лоб и заинтересованно поглядывая на шумных саночников, которые мчались вниз, к Москве-реке, с визгом и смехом, благо веселый их путь пролегал совсем рядом с его обледенелой тернистой дорогой к ожидающим наверху ломовикам с платформами.

Сверху летели расписные, кокетливо изогнутые и полные звонкого смеха саночки, в которых сидела Любочка с победно развевающимся шарфом за плечами. В ней было столько искреннего восторга и так она сама была сегодня хороша, что Алешка невольно заулыбался. И, конечно, засмотрелся: ее расписные саночки неожиданно подпрыгнули на ухабе, свернули вдруг на обледенелый рабочий спуск, сбили Алешку и его груженные сани, с таким трудом втащенные сюда.

Летели вниз все втроем: Любочка с хохотом в расписных саночках, Алешка – кубарем, а следом и его груженные льдиной сани. Любочка каким-то чудом сумела отвернуть и промчаться левее рабочих, а вот Алешка вместе со своими разогнавшимися некстати санями угодил прямо в трудящихся.

– Да растудыт твою, раззява косорукая!

– Виноват, Кузьмич, оплошал маленько. Барышня подби-

ла...

– Мадемуазель! Мадемуазель Люба, одну минуточку!..

С этим взволнованным окриком мимо них торопливо прошел поручик в шинели, перетянутой офицерской портупеей с кобурой на правом боку и шашкой – на левом. С рукояти шашки свешивался красный темляк: знак ордена Анны IV степени.

– Разрешите представиться: личный адъютант вашего батюшки поручик Кольцов. Прошу вас, мадемуазель, срочно следовать за мной. Лихач ждет на дороге.

– Но зачем же, зачем? – настороженно удивилась Люба. – Что-нибудь... Что-нибудь с папой? С папой, да?

– Прошу поспешить, мадемуазель. Покорнейше прошу.

Взволнованная Любочка и суровый поручик прошли мимо Алешки. Рабочие молча смотрели им вслед.

– Господи, неужто полковника убили? – растерянно ахнул Кузьмич.

– Что? – спросил Алешка. – Какого полковника?

– Отец у этой барышни – боевой полковник. С четырнадцатого из окопов не вылезит. Я у них аккурат перед войной комнату для мамзели переделывал.

– Это где – у них?

– На Арбате. Там в переулке дом со львами. Заметный такой дом.

Кузьмич говорил что-то еще, но Алешка уже не слышал. Он смотрел в другую сторону: на расписные саночки с забы-

тым шарфом, который так победно развевался за Любочкиной спиной...

Вечер. Немноголюдные и степенные улицы дворянского центра Москвы стали сегодня оживленными и даже шумными. По ним проносились рублевые извозчики, пятирублевые лихачи, а порою и тройки, спешащие в иные места – к «Яру», в «Стрельну».

– Посторонись!..

– Берегись, православные!..

Среди этой праздничной суеты шел усталый Алешка, волоча за собою расписные саночки. Вышел на Арбат. Свернул в переулок и остановился возле дома с двумя каменными львами у подъезда. Вдоль тротуара стояло несколько извозчиков и даже один автомобиль, но в самом доме было тихо.

Алешка втащил саночки по ступеням подъезда, нашел ручку звонка, подергал. Подождал, прислушиваясь, подергал снова, уже понастойчивее.

Дверь открыла заплаканная немолодая горничная:

– Чего тебе?

– Да вот. Санки привез.

– Какие санки, какие?

– Этой... Ну, мамзели вашей. Любочки, что ли. И вот еще.

Забыла она.

И достал из-за пазухи аккуратно сложенный шарф. Горничная взяла шарф, всхлипнула:

– Горе-то у нас какое, парень. Отца у нее убили...

Повернулась вдруг и пошла, забыв и про дверь, и про санки. Алешка хозяйственно втащил санки в дом и тихо, без стука, прикрыл дверь.

Спустя четыре года

Ораторы, митинги, атаки, обстрелы, конные лавы, падающие люди, лазареты, облепленные мешочниками поезда, беспризорные дети, расстрелы и виселицы, опустевшие города и обезлюдевшие деревни – так промелькнули четыре года человеческих жизней, которые в Гражданскую войну стоят дешевле патрона. Для любого человека каждый день казался тогда невероятно длинным, как самый последний, и каждый год мелькал, как сон, потому что каждое «сегодня» ощущалось как «вчера», а каждое «вчера» было так похоже на «сегодня».

Худое, с обтянутыми кожей скулами, а потому хмурое лицо – это Алешка вслушивается в хрипатый патетический басок:

– За трудовую сознательность, рабоче-крестьянскую дисциплину и преданность мировой революции, а также за призывную стрельбу и понимание текущего момента наградить комзвода Алексея Трофимова красными революционными шароварами!..

Алексей вдруг широко улыбнулся, и вся его хмурость тотчас же ушла, а тут еще и гармошка заиграла туш.

В заснеженной Москве было тихо. Спешили куда-то редкие прохожие и еще более редкие сани, стояли за чем-то мол-

чаливые очереди, и никуда не торопились еще более редкие постовые на площадях. Столица казалась вымершей.

И совсем уж вымершими казались ее переулки, притихшие в непролазных сугробах. С забитыми наглухо подъездами, с закрытыми на все цепи и засовы железными воротами дворов, с врезанными в окна жестяными трубами буржук.

А вот в одном из домов – большом, каменном, с двумя облезлыми львами у подъезда – жизнь все-таки чувствовалась. И в том, что парадная дверь его не была заколочена, и в том, что на стенах возле подъезда, на самих дверях и даже на львах были расклеены многочисленные рукописные объявления:

«Домашние обеды. Французская кухня».

«Сохрани здоровье. Рецепты народной медицины».

«Предсказание судьбы. Гадания по тибетским таблицам».

«Культурный досуг за картами. Винт, вист, преферанс, покер, белот».

«Быв. воспитанница Смольного института дает уроки хороших манер».

«Учу на арфе. Приходить со своим инструментом».

Из подъезда вышла Любочка в наброшенной на плечи шубке. И шубка была иной, и Любочка – похудевшей и повзрослевшей. Она держала в руках подобное прочим рукописное объявление и присматривала местечко, куда бы его приклеить, когда позади раздался хруст снега, и она огляну-

лась.

Перед нею стоял Алексей. В буденовке и шинели, подпоясанной солдатским ремнем, на котором висели шашка и револьверная кобура. Он смотрел на девушку в старенькой шубке, на облезлых каменных львов у подъезда, опять – на Любочку, веря и не веря собственным глазам.

Любочка презрительно повела плечиком, кое-как прилепила объявление и, не оглядываясь, убежала в подъезд.

Алексей проводил ее ошарашенным взглядом, потом подошел к объявлению и начал внимательно его читать.

«Сегодня имеет быть концерт из произведений Моцарта. Вход за умеренную плату с непременно добровольным пожертвованием одного полена дров с каждой персоны».

В просторной и почти пустой гостиной Любочка расставляла кресла и стулья полукругом перед сдвинутым к стене роялем и тремя пюпитрами. Над роялем висели два увеличенных фотографических портрета: кавалерийского полковника в парадном мундире с многочисленными орденами и пожилой дамы в скромном платье с аккуратным белым воротничком. К углу рамки каждой фотографии была прикреплена узенькая ленточка крепа, а лица на них чем-то напоминали Любочку.

И это было единственным, что уцелело на стенах. Лишь темные прямоугольники невыгоревших обоев указывали на

то, что когда-то в этой гостиной висели не только два этих портрета.

Тихо скрипнула дверь в квартиру, но Любочка сразу насторожилась:

– Кто там?

– Это я, Любочка, – ответил женский голос.

В прихожей пожилая няня, которую когда-то Алешка принял за горничную, снимала с плеча сумку. Потом размотала платок, сняла его и тяжелое пальто, присела, стаскивая боты. Из гостиной вышла Любочка. Остановилась в дверях.

– Сегодня имеет быть концерт, няня, – с гордостью сообщила Любочка.

– Что Аркадий Илларионович, поправился? Славу богу!

– И может быть, принесут дрова, – Любочка убрала пальто и боты. – И будет тепло... А соль ты достала, няня?

Няня сокрушенно вздохнула:

– Только на столовое серебро и удалось сменить.

– Значит, после концерта закатываем пир! – радостно объявила Любочка. – Напечем картошки в мундирах...

– Бесприданницей останешься, – горестно заметила няня.

– На-пле-вать.

– Дурешка ты еще. – Няня помолчала. – На толкучке говорят, что, мол, скоро уплотнять начнут. Тех, кого еще не уплотняли.

– Ну и пусть.

– А где же концерты давать будем?

– Москва большая.

– Москва чужая, – строго поправила няня.

По этой чужой Москве по-хозяйски посередине улицы шли трое. Старший, Рыжий и Младший. И остановились у подъезда со львами, читая объявления.

– Публику приглашают, – со значением сказал Рыжий.

– Угу, – буркнул Старший. И пошли себе дальше.

А в коридоре какой-то незначительной воинской части, вероятнее всего – командирского резерва, Алексей, смущаясь, подошел к другу-одногодке. Помыкался, покурил для разгона и нырнул точно в омут:

– Подмени меня сегодня, а?

– Девчонку встретил, что ли? – прищурился друг.

– Девчонку, – подумав, отчаянно соврал Алексей.

– Хорошо москвичам, – завистливо вздохнул друг.

– Ну, как сказать... – Алексею было неуютно говорить на эту тему, но приятель был себе на уме.

– Баш на баш.

– Какой же тут может быть баш? – резонно засомневался Алексей.

– А такой, что завтра – приказ, кому куда. Так что сегодня я тебя прикрою, завтра – ты меня.

– То есть как это?

– А так, что вместо меня поедешь, если мне так захочется.

– Идет! – сказал Алексей.

И они пожали друг другу руки.

Тем временем в прихожей няня и Любочка деятельно готовились к предстоящему концерту, тем более что из-за закрытой двери гостиной уже слышались звуки самой первой, пробной настройки инструментов. Любочка и няня распахали по углам и стенам оставшуюся мебель, поставили стулья, на которые можно было аккуратно сложить верхнюю одежду посетителей, у входа расположили стол и стул, а за ними расчистили место для будущих непременно добровольных приношений. Несколько довольно хилых полешек Любочка специально разбросала для намека.

– Кажется, все, няня, – сказала она. – Дровишки – тонкий намек.

– Ступай переодеваться, Любочка, – сказала няня. – Пора уже.

Любочка ушла готовиться к «имеющему быть» концерту, а няня водрузила на стол дачную плетеную корзиночку – тоже «для намека» – и важно уселась на стул.

По заснеженным переулкам Москвы бежал Алексей с огромным поленом под мышкой. Непривычная пока еще шашка все время путалась в ногах.

В прихожей все так же чинно и важно восседала няня. Настройка инструментов за закрытой дверью гостиной стала уверенней и громче, а за спиною няни уже заметно прибавилось дровишек, не зря на стульях были старательно сложены пальто и шубы.

С лестничной площадки вошли две немолодые дамы в совсем немодных и уж тем более недорогих пальто: полная и худощавая.

– Здравствуйте, Алевтина Степановна, – приветливо улыбнулась няне полная дама. – Очень приятно было узнать, что наша Любочка снова занялась концертами.

– Она так музыкальна! – поддержала худощавая. Пролепетав эти слова, дамы застенчиво сунули скомканные ассигнации в плетеную дачную корзиночку и вдруг ринулись назад, на лестничную площадку, откуда и притащили один сломанный стул на двоих.

– Извините, Алевтина Степановна, это единственные дрова, которые нам удалось раздобыть, – виновато призналась худощавая дама. – Я, увы, начала топить буржуйку книгами. Но что же делать, что?

– Кризис, – уточнила полная. – Кризис, как я теперь понимаю, это не высокая температура, как считалось при царе, а низкая. Но все равно это должно быть каким-то признаком. Или выздоровления, или наоборот.

Болтая так, дамы довольно сноровисто разломали стул и сложили обломки в кучу. Затем няня, она же Алевтина Степановна, приняла их порядком потертые в очередях пальто, и дамы, приведя в порядок седеющие прически, прошли в гостиную. И почти тотчас же зазвучал Моцарт, словно оркестранты только и ждали, когда же наконец появятся именно эти дамы.

В гостиной, кое-где сохранившей следы бывшего благополучия, стараниями Любочки были полукругом расставлены кресла. Их чинно занимала в основном пожилая публика, так же старательно сохранявшая следы бывшего благополучия, но больше, правда, в манерах. А четверо музыкантов в тесноватых и уже залоснившихся фраках и какая-то по-особому очень юная Любочка честно отработывали и хлеб, и поленья.

Звучал Моцарт. Ах, как томно, как истово слушали музыку все эти бывшие! Со слезой и умилением, с улыбкой и отрешенностью, с тоской о минувшем и со страхом перед будущим.

– Несчастное дитя, – тихо шепнула худощавая дама полной соседке. – Потерять отца в семнадцатом, а год назад схоронить матушку. Господи, какие страшные времена переживает Россия!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.